

N 118
10

2007062648

Бесплатное прил. къ «Поч. Листку» №№ 13—14 за 1913 г.

Библиотека Волынского С. Р. Н. № 13—14.

Поездка Волынскихъ
союзниковъ на Цар-
скій юбилей

— въ —
С.-Петербургъ.

ПОЧАЕВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ПОЧАЕВО-УСПЕНСКОЙ ЛАВРЫ,

1913 г.

Бесплатное прил. къ «Поч. Листку» №№ 13—14 за 1913 г.

Библиотека Волынского С. Р. Н. №№ 13—14.

Поѣзда Волынскихъ
союзниковъ на Цар-
скій юбилей

— — — въ — — —
С.-Петербургъ.

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-15363
ПОЧАЕВЪ И РУМЯНЦЕВСКИЙ МУЗЕЙ
тиография почаево-успенской лавры
1913 г.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

К Н И Г А И М Е Е Т

Листок
печатных

Выпуск

В перепл.
един. соедин.
№№ вып.

Таблиц

Карт

Иллюстр.

Служебн.
№№

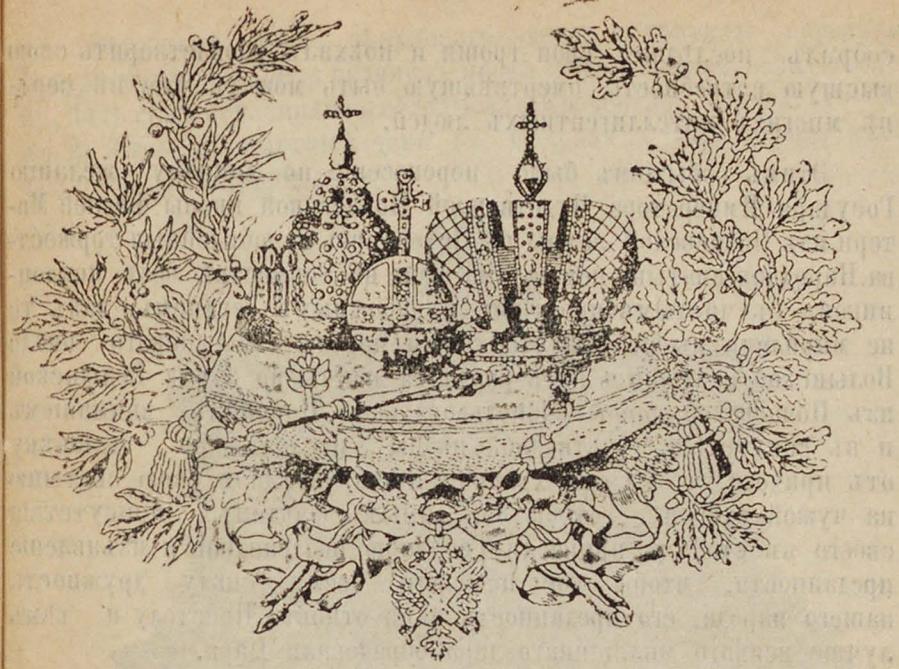
№№
списка и
порядковый

1963 г.

6

π

544
254

Поѣзда Волынскихъ союзниковъ на Царскій юбилей въ С.-Петербургъ.

Къ простому народу, какъ безхитростному и вѣрующему, ближе Богъ и въ жизни этого простого народа болѣе ясны сльды Божія о немъ промышленія и водительства.

Когда еще Волынскій крестьянинъ осуществилъ бы искренее и горячее желаніе поѣхать въ Петербургъ, чтобы собственными глазами увидѣть Царя—Батюшку и тѣмъ быть счастливымъ на всю жизнь. Русскимъ людямъ, интеллигентнымъ и состоятельнымъ даже, такъ свойственно домосѣдство, погруженіе въ будничную работу, что и они нуждаются часто въ особыхъ побужденіяхъ для того, чтобы оставить налаженный образъ жизни ради удовлетворенія высшихъ запросовъ духа. Тѣмъ болѣе нужны они крестьянину, которому изъ за заботъ о насущномъ кускъ хлѣба, изъ за материальнаго постояннаго гнета, некогда удѣлить особаго вниманія инымъ высшимъ стремленіямъ, коими бьется и живетъ его сердце. Не случай, а особое провиденіальное событие и дало стремленію, живущему въ патріотическомъ сердцѣ крестьянина, движение. Оно оставилъ всѣ земные мелочные расчеты, вопреки правилу зитейской мудрости «каждый рубль въ хозяйствѣ пригодится»

собралъ послѣдніе свои гроши и побѣхъ удовлетворить свою высшую потребность, омертвѣвшую быть можетъ уже въ сердцѣ многихъ интеллигентныхъ людей.

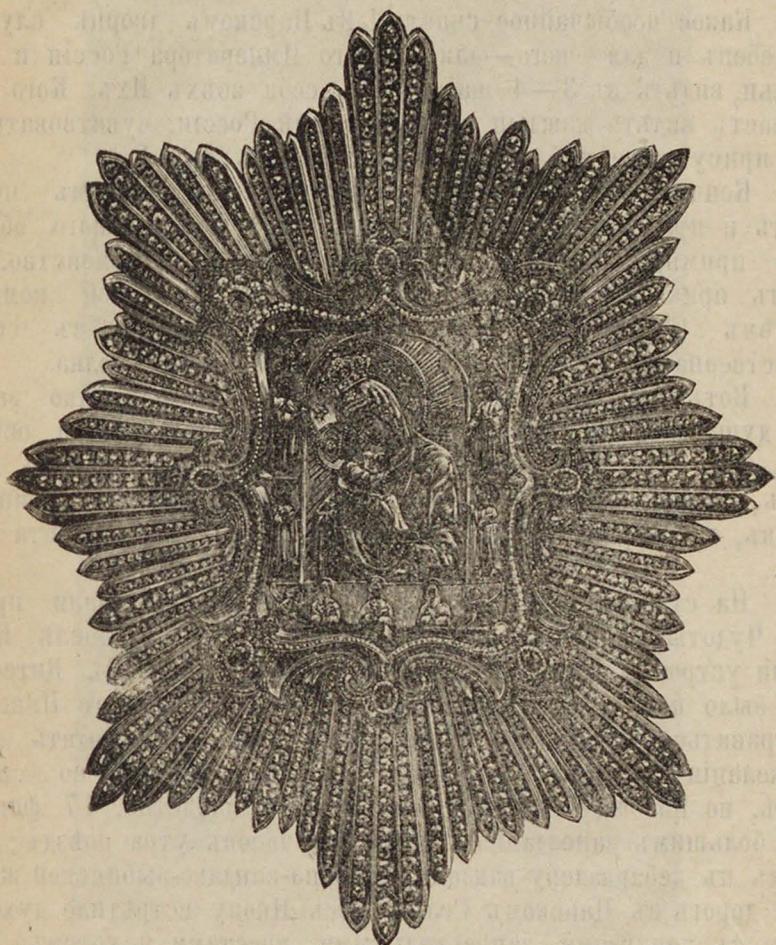
Этимъ событиемъ было перенесеніе по личному желанію Государя Императора Чудотворной Почаевской иконы Божией Матери изъ Почаевской лавры въ Петербургъ на юбилейный торжества. Народная святыня немыслима была на торжествѣ безъ поклонниковъ съ чистымъ простымъ и набожнымъ сердцемъ, какъ то не мирилась мысль объ отсутствіи народа Волынского около Волынской святыни и вотъ раздался кличъ по землѣ Волынской изъ Почаевской лавры воспользоваться Царскимъ вниманіемъ и въ сопутствіе Чудотворной иконы послать по человѣку отъ прихода, чтобы они хранили и сопровождали свою святыню на чужой сторонѣ, чтобы они самыи фактъ присутствія своего въ столицѣ принесли Государю поздравленіе и изъявление преданности, чтобы они показали всему свѣту дружность нашего народа, его преданность вѣрѣ отцовъ, Престолу и тѣмъ лучше всякаго миллионнаго дара обрадовали Царя.

За Почаевской Святыней.

«За Божией Матерью!» Кто изъ людей вѣрующихъ православныхъ устоитъ противъ этого клича, чье неотуманенное жидо-масонскимъ смрадомъ сердце не затрепещетъ при этихъ словахъ и не повлечетъ туда, гдѣ послѣдняя цѣль всѣхъ желаній, гдѣ предѣлъ крайній мечтамъ о счасти и блаженствѣ.

Волной всколыхнулся край, какъ прослѣдовала Чудотворная икона изъ Почаева въ Житоміръ, а во время пребыванія иконы тамъ не улеглось, а все крѣло волненіе на Волини, многие господари стали собирать свои гроши, чтобы не отстать отъ Владычицы своихъ упований. А она уже тронулась въ путь и изъ Житомира, поднявъ по пути новую волну благочестиваго возбужденія. Бывають свѣтлыя минуты въ жизни людей, когда средь мрака и тоски повседневной суеты вдругъ блеснетъ небесный лучъ и напомнить о небѣ. Вотъ такимъ небеснымъ лучемъ и была Почаевская Божья Матерь для края, по которому совершалася ея путь, чтобы осѣнить Царя передъ праздничкомъ, который устраивала ему благодарная Россія, какъ равно и самая юбилейная торжества.

Вѣрующій Царь вѣрующаго народа встрѣтилъ народную Святыню, благоговѣйно склонилъ предъ ней свою Царственную голову, падьницъ поклонился и облобызаль Пречестной образъ. То было въ отнынѣ памятный день 17 февраля. Такъ передо мной сейчасъ эта картина.

Чудотворная Икона Почаевской Божіей Матери.
въ звѣздообразномъ кутѣ.

Царско-Сельскій Александровскій Императорскій дворецъ. Походная небольшая церковь. Совершается обычное молебствие Намѣстникомъ Почаевской лавры о. арх. Паисіемъ съ іерод. Евгениемъ медленно, тихо, задушевно, благоговѣйно. Чудотворный образъ держать о. архим. Митрофанъ и о. іером. Ларгій. Пѣвчихъ всего 5 че-

человѣкъ. А воть Царь, Царица, Наслѣдникъ, Великія Княжны — Царскія Дочери, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна-сестра Государыни, бывшая лѣтомъ въ Почаевѣ.

Въ отворенные двери видна сосѣдняя комната, полная молящихся.

Какое необычайное счастье! Въ Царскомъ дворцѣ служить молебень и для кого—для самого Императора Россіи и Его Семьи, видѣть въ 3—4 шагахъ отъ себя всѣхъ Ихъ, Кого такъ желаетъ видѣть каждый вѣрноподданый Россіи, чувствовать даже присутствіе и близость Августѣйшихъ Лицъ!

Кончился молебень. Государь поклонился земнымъ поклономъ и приложился къ Пречистому Лику Чудотворного образа. Его примѣру послѣдовало все Августѣйшее Семейство. Затѣмъ прикладывались всѣ молящіеся въ сосѣдней комнатѣ. Затѣмъ Почаевская Святыня была перенесена въ соборъ Собственнаго Его Величества своднаго пѣхотнаго полка.

Вотъ это самое главное, что глубоко и накрѣпко запало въ душу бывшихъ во дворцѣ, никогда не забудется, а осталъное все, болѣе или менѣе обычно, и если нужно о немъ сказать, то исключительно въ интересахъ возстановленія истины словъ, и разрѣшенія о Намѣстника лавры Архимандрита Папсія.

На станціяхъ большихъ городовъ вездѣ уже ждали прибытия Чудотворной иконы, въ Могилевѣ и Витебскѣ, послѣ Киева, были устроены особо торжественный встрѣчи. Въ Витебскѣ же было получено уведомленіе чрезъ Преосвященнаго Никодима отиравиться на Царское Село. Можно было предполагать лишь о желаніи Государя Императора принять Святыню во своемъ домѣ, но положительного ничего не было известно. 17 февраля съ большими запозданіемъ около 10 часовъ утра поѣздъ подошелъ къ дебаркадеру вокзала московско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги въ Царскомъ Селе. Здѣсь Икону встрѣтило духовенство съ хоругвями, запрестольными крестами и хоромъ пѣвчихъ. По улицѣ вилоть до собора стояли шпалерами войска. Икона съ вокзала перенесена была въ Екатерининскій соборъ, гдѣ было совершено богослуженіе. По особому распоряженію изъ Дворца, привезенному о. Намѣстнику кажется кн. Путятину, въ 1 ч. 30 мин. дня Почаевская икона Божіей Матери была перенесена въ домовую церковь Александровскаго дворца, гдѣ молебствіе совершено было въ личномъ присутствіи Государя Императора и Его Семьи, а затѣмъ въ военный соборъ.

Послѣ проводъ иконы Государь изволилъ произвести смотръ

командѣ, сопровождавшей икону изъ Житоміра, разсраница-
вель какого полка, интересовался обмунированіемъ и, послѣ
нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ, приказалъ командиру взвода

Высокопреосвященный Владимиръ, митрополитъ Петер-
бургскій и Ладожскій.

шт.-кан. Раузе скомандовать «къ ногѣ» и «на право». Команда
была затѣмъ размѣщена въ 1 ротѣ С. Е. В. своднаго пѣхотнаго
полка, гдѣ и получила угощеніе.

Въ военномъ соборѣ, куда была перенесена икона, между
тѣмъ непрерывно по требованію публики одинъ молебень слу-
жили за другимъ и такъ до 6 часовъ, до всенощнаго богослуже-

нія, на которомъ изволила присутствовать Великая Княгиня Елизавета Феодоровна.

Соирвождавшему икону духовенству Почаево-Успенской лавры въ «полуциркуль» Екатерининского дворца была приготовлена трапеза и отведенъ покой для ночлега, чѣмъ, конечно, оно и воспользовалось, вознося усердныя молитвы за хозяина дома—Государя Императора.

Раннюю литургию 18 февраля въ военномъ соборѣ послѣ бесѣды съ церковнымъ старостой полковникомъ Ломовымъ служилъ о. Намѣстникъ Почаевской лавры въ сослуженіи соборного духовенства. Послѣ молебна икона торжественно была перенесена на Царскій вскзаль, откуда въ царскому салонъ-вагонѣ по Императорской вѣткѣ Москово-Виндавской желѣзной дорогѣ прибыла въ С.-Петербургъ въ началѣ девятого часа.

Зданіе Царско-Сельскаго вокзала роскошно декорировано гирляндами зелени, множествомъ флаговъ, гербовъ. Встрѣчать Чудотворный Почаевскій образъ вышло духовенство во главѣ съ петербургскимъ митрополитомъ Владиміромъ и архіепископомъ Антоніемъ. Тутъ были и Великія Князья, Великія Княгини, Княжны, Герцогини, а также министры, оберъ-прокуроръ Св. Синода, генералы и множество народа.

При пѣніи канона Богородицѣ икона перенесена была въ Введенскую церковь лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, гдѣ митрополитомъ Владиміромъ, въ сослуженіи архіепископа Антонія и прочаго духовенства, былъ отслуженъ краткій молебень, послѣ котораго святая икона съ крестнымъ ходомъ перенесена на Митрофаніевское Сѵнодальное подворье (на углу Звенигородской и Кабинетской улицы). По прибытии иконы началась торжественная литургія, которую совершилъ архіепископъ Антоній. По пути слѣдованія иконы были шпалерами разставлены войска С.-Петербургскаго горнизона, по одной ротѣ отъ каждой части. Парадомъ командовалъ главнокомандующій войсками гвардіи С.-Петербургскаго военнаго округа Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевичъ.

Встрѣча была такая, что болѣе торжественной даже и устроить нельзя. Съ такой славой пребыла Почаевская святыня въ русскую столицу и помѣщена была въ Митрофаніевскомъ храмѣ надъ царскими вратами такъ же, какъ обычно во св. лаврѣ.

Сборы.

Святая истина заключена въ словахъ Евангелія: «гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше» (Мо. 6, 21). Огромное сердце върноподданной Волыни было уже обращено въ сторону съверной столицы. Если всегда Петербургъ является послѣднимъ для русскихъ этапомъ, гдѣ решается судьба народа, гдѣ куются законы на радость иль горе, то въ свѣтлые дни патріотической Россіи, когда сила и мощь державы Россійской облекаются въ парадъ, съ особенной охотой летять туда мечты о народной славѣ.

Тамъ была Почаевская святыня, подъ сѣнью которой жила Волынь и билася со врагомъ, тамъ Самодержавный Царь, собиравшійся праздновать свѣтлый свой праздникъ трехсотлѣтія своей династіи, съ именемъ котораго привыкло связывать свою свободу крестьянство. Словомъ, тамъ было сокровище народа и туда инстинктивно тянулось народное сердце.

Понятно, что при такихъ условіяхъ кличъ «за Божіей Матерью», «въ столицу къ Царю», чтобы видѣть свѣтлые Его очи смутному желанію придалъ опредѣленное содержаніе. Завѣтная мечта близка къ осуществленію.

Но какъ привѣтствовать Царя, о чемъ ему сказать, чего попросить? И вотъ, какъ бы говорившись крестьянское царство Волыни составило до 1000 всеподданѣйшихъ адресовъ, приложило къ нимъ до 60,000 рукъ. Въ нихъ сно вспоминало заслуги Самодержавныхъ царей, успокоившихъ не только смуту Московскаго государства, но и нашъ край освободившихъ отъ гнета конституціи, писало, что народъ русскій смиренный, темный, малосильный,—если въидѣть себѣ когда помочь, облегченія, если надѣться на лучшую долю, то только отъ своихъ защитниковъ Самодержавныхъ царей. «Присягнувшіи Самодержавному Царю,—не хотимъ быть клятвопреступниками, молясь Богу о самодержавиѣшемъ Государѣ,—не хотимъ быть лицемѣрами, не допустимъ накинуть на нашу шею петлю конституціи, отъ которой освободили насъ Твои предки—Самодержавные Цари», писали Волынцы Государю.

Прежде всего «самодержавіе», уже такова возубленная мысль русскаго народа, а при немъ придетъ земля и воля.

Сборъ союзникамъ былъ назначенъ въ г. Ровно, какъ болѣе центральномъ пункѣ. И туда—къ вечеру 17 числа съ разныхъ концовъ Волыни, ионаѣхало до 1000 человѣкъ союзниковъ. Крестьяне по ходатайству предсѣдателя Здолбуновскаго отдѣла генераль—лейтенанта В. А. Кининца были размѣщены на про-

довольственномъ пункте около вокзала. Огромнаго такого наплыва народа никто не предполагалъ. Надо было справляться съ такой массой и устроить, что бы она походила на дисциплинированную единицу. Почему и было приложено стараніе обучить ее наспѣхъ строю. Спасибо генералу Кышинцу, который вмѣстѣ съ помощникомъ своимъ ревнителемъ Зубчинскимъ, построили ее въ ряды, подраздѣлили на отряды по уѣздамъ и пѣсколько разъ промаршировали отъ вокзала до собора съ развернутыми знаменами и стягами на радость православнымъ и къ скрежету зубовному жидовъ, выглядывавшихъ изъ щелей дверей и оконъ своихъ жилищъ.

Съ этою задачей какъ ни какъ справились: она была передъ глазами и зависѣла отъ умѣнья и способности командировъ. Явилась другая болѣе трудная. Для такого множества народа нуженъ былъ, во-первыхъ, отдѣльный поѣздъ, во вторыхъ, удешевленный тарифъ, чего непремѣнно требовала скучность гротескъ у союзниковъ. Эта трудность едва была разрѣшена о. Виталіемъ, обратившимся по телеграфу съ просьбами къ министру внутр. дѣлъ, путей сообщенія, къ генералу—губернатору, кіевскому, волынскому и подольскому, къ губернатору волынскому, и лично къ исправнику ровенскому, вынужденному еще считаться съ нерасположенностью къ союзникамъ начальника Ровенской станціи. Когда всѣ были поставлены на ноги и треніе междуначальственное было устранино, былъ, наконецъ составленъ и поданъ особый поѣздъ въ 15 вагоновъ, въ которомъ размѣстилось 500 союзниковъ; остальные, расчитывавши съ на бесплатный проѣздъ, должны были вернуться обратно по домамъ.

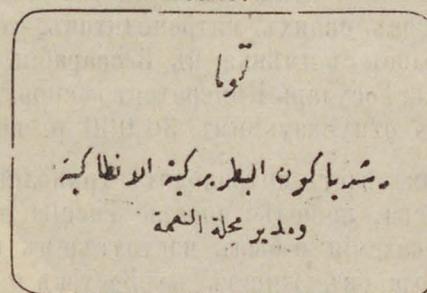
Этотъ поѣздъ былъпущенъ вслѣдъ за пассажирскимъ, и то только 18 числа въ 12½ часовъ ночи. Руководство надъ союзниками принялъ дѣловой и опытный въ обращеніи съ народомъ священникъ Владимира Галичъ, тогда какъ о. архимандритъ Виталій вынужденъ былъ, отправивъ союзниковъ, заѣхать въ Почаевъ, побывать на собраніи Почаево-Волынского Банка, получить уполномочіе на исходатайствованіе займа изъ суммъ Государственного банка въ цѣляхъ увеличенія оборотныхъ средствъ Кредита и потомъ уже отиравиться 19 февраля въ Петербургъ вслѣдъ за союзниками.

Дорожные встречи.

По прибытии на ст. Здолбуново 19 февраля отъ предсѣдателя союза было получено заявленіе, что съ января мѣсяца

въ кiosкахъ нельзя найти ни правыхъ газетъ, ни литературы. Кiosки все отъ „Нового Времени“ эксплоатируются жидами и ихъ приспѣшниками, имѣющими при бесплатной доставкѣ газетъ и журналовъ по желѣзной дорогѣ значительную прибыль и создавшими положеніе, при коемъ немыслима конкуренція правыхъ изданій. Пообѣщавъ союзникамъ поддержать ихъ дѣло помошью изъ Почаева, мы *) сѣли на скорый поездъ прямого сообщенія «Одесса—Петербургъ» и съ той минуты неразлучнымъ нашимъ спутникомъ была удача.

Въ этомъ поездѣ бѣхалъ патріархъ антіохійскій Григорій IV, о чёмъ мы узнали какъ только вступили въ вагонъ. Рядомъ съ нашими мѣстами сидѣли арабы—одинъ въ черной хламидѣ, и шапочкѣ, съ длинными волосами, другой—въ расшитомъ серебромъ чекменѣ, съ саблей въ серебряныхъ ножнахъ подъ чернѣдью, рядомъ съ ними лежалъ черный посохъ съ огромнымъ серебрянымъ набалдашникомъ художественной чеканки. То были архидіаконъ патріарха и его кавасъ (тѣлохранитель). По русски ни тотъ, ни другой не умѣли: архидіаконъ, кроме родного, зналъ хорошо французскій языкъ, кавасъ—девятокъ словъ англійскихъ. Архидіаконъ узналъ въ наше монаховъ, сейчасъ—же представился, далъ визитную карточку, на которой вотъ что было написано:

Но такъ какъ по арабски мы не знаемъ, то въ объясненіе онъ далъ другую карточку съ французскими письменами, на которой значилось: Choma Archidiacre du Siége Patriarcal Aantioche. Damas, т. е. Өома, архидіаконъ антіохійской патріаршой каѳедры, Дамаскъ. Дамаскъ, гдѣ это? На картѣ Палестины видѣть въ самомъ верху, къ правому углу, да, это тотъ городъ, который существовалъ еще при Авраамѣ, куда изъ Йерусалима пошелъ Савль избивать христіанъ, а пришелъ туда христіаниномъ и сдѣлался апостоломъ Павломъ. Какая сѣдая старина! О. Өомъ очень хотѣлось съ нами побесѣдоватъ и чрезъ посред-

*) Т. е. о. Виталій и авторъ этихъ строкъ іер. Алексій.

ство какой-то барышни, лопочущей по-французски, онь намъ передалъ, что представитель антіохійской апостольской православной каѳедры єдетъ со свитой въ 16 человѣкъ, что его мірское имя Игнатій Хаддадъ, что теперь ему 55 лѣтъ, жаловался на турокъ, кои порубили сады въ селѣвкійской области у православныхъ за одно только намѣреніе повѣсить колокола, упомянуль и про себя, что состоить редакторомъ арабскаго журнала „Благодать“ и много произведеній перевѣлъ съ французскаго на арабскій.

Послѣ я еще имѣлъ возможность пополнить свѣтлнія о Патріархѣ Григоріи IV. Родился онъ въ бѣдной арабской семье, учился сначала въ арабской школѣ, а потомъ въ духовной школѣ Бейрута, въ санѣ іеродіакона сотрудничалъ въ арабскомъ журнале «Дарь» съ блестящимъ успѣхомъ, желаніемъ народа быть избраннымъ Триполійскимъ митрополигомъ въ 1890 г., а затѣмъ въ 1906 году патріархомъ.

На востокѣ пастыри живутъ любовно съ прихожанами, еженощельно обходятъ ихъ дома, совѣтуются объ ихъ нуждахъ и помогаютъ имъ, не исключая и патріарха. Епархіи у нихъ немногочисленныя*). Школы и благотворительность всецѣло на рукахъ духовенства.

Бѣда ихъ заключается въ ненависти къ нимъ турокъ и грековъ да въ большей бѣдности. Средства патріархата составляются изъ взносовъ своихъ митрополитовъ, ставропигіальныхъ монастырей, доходовъ съ имѣнья въ Бессарабіи, подворья въ Москвѣ, а съ 1908 года Государь Императоръ распорядился изъ своихъ личныхъ средствъ отпускать имъ 30,000 р. каждый годъ.

Съ патріархомъ єдетъ митрополитъ Триполійскій Александръ, родомъ изъ Дамаска, но болѣе знаетъ Россію, такъ какъ училъся въ Кіевской академіи и былъ настоятелемъ подворья въ Москвѣ. Съ 1903 года онъ живетъ на Востокѣ и управляетъ митрополіей Триполійской.

Передъ ст. Сарны мы собирались взять благословеніе у патріарха, припарадились и, перекрестившись, пошли въ его вагонъ. Одинъ титулъ патріарха и то не скоро запомнишь: «Григорій, блаженійшій, божественнѣйшій, святѣйшій патріархъ великаго града Антіохіи, Сиріи, Аравіи, Киликіи, Иверіи, Месопотаміи и всего Востока, отецъ отцовъ, пастырь пастырей, архіерей архіереевъ, тринадцатый изъ апостоловъ, нашъ отецъ и пастыреначальникъ».

*.) Вся паства антіохійской церкви состоять изъ 316,000 прав., въ патріархатѣ 14 епархій, 17 монастырей, 400 прих. церквей.

Въ вагонѣ, мы встрѣтили въ черной мягкой камилавкѣ почтеннаго старца, крѣпкаго какъ кедръ ливанскій библейскаго вида съ благодушинымъ выраженіемъ лица. Когда, ницъ поклонившись, принимали благословеніе, кто-то изъ окружавшихъ

Его Святейшество, Григорій IV, Блаженнѣйший Патріархъ Антіохіи и всего Востока.

лиць старца отрекомендовалъ насть. Тутъ же былъ и митрополитъ Триполійскій Александръ, хорошо владѣющій русскимъ языкомъ, и арабъ іеромонахъ Аѳанасій, студентъ кіевской академіи и др. лица.

На каждой станціи православный русскій народъ, узнавъ о проѣздѣ святителя съ Востока, толпами притекалъ и принималъ благословеніе чи генераль, чи смазчикъ. Въ Лугѣ подъ

Петербургомъ патріарха встрѣтили представители митропол. Владимира и г. Оберъ-Прокурора св. Синода, и черезъ сопровождавшаго патріарха изъ Дамаска русскаго консула князя Б. Н. Шаховскаго освѣдомились о его здоровьѣ, привѣтствовали съ приѣздомъ. Сюда же выѣхалъ встрѣтить своего Владыку—намѣстникъ антіохійскаго подворья о. архим. Антоній.

Въ самомъ—же Петербургъ встрѣчали на вокзалѣ и митрополитъ митрополитъ митрополитъ и г. Оберъ-Прокуроръ, изъ вагона патріарха вывели торжественно—и подиаконъ шель впереди съ вожженою свѣчею, а за нимъ архидіаконъ, преднося большой крестъ. Подошли сирійцы и греки—петербургскіе колонисты—и иѣли греческимъ напѣвомъ: «Исъ полла эти, деспота!» Какъ царскаго гостя, усадили патріарха съ большимъ почетомъ въ придворную карету, впереди которой ѿхалъ архидіаконъ съ крестомъ, и отправили сначала въ Александро-Невскую лавру, а затѣмъ въ оберъ-прокурорскій домъ на Литейной, гдѣ онъ все время своего пребыванія въ Петербургѣ и жилъ со всей свитой.

Приѣздъ союзниковъ и первыя впечатлѣнія.

Волынскіе союзники приѣхали на нѣсколько часовъ раньше поѣзда, доставившаго патріарха. На вокзалѣ ихъ встрѣтили земляки—депутаты Государственной Думы и провели на просторную квартиру, предоставленную по просбѣ нашего архіепископа Антонія, добрымъ купцомъ Парфеновымъ. Два этажа высокихъ, чистыхъ и свѣтлыхъ огромнаго дома на Киевской улицѣ были предоставлены въ распоряженіе союзниковъ, изъ свѣжей соломы приготовили они себѣ постели, для варки кушанія и услугъ была приставлена прислуга. Кто знаетъ, какъ дороги странному человѣку приютъ и столъ, тотъ пойметъ сколь велико было благодѣяніе купца Парфенова для волынскихъ союзниковъ. Они такъ были тронуты радушиемъ этого человѣка, что тутъ-же рѣшили чѣмъ-либо сго отблагодарить и купили икону для подношенія.

Немногого отдохнувъ и сложивъ здѣсь свои котомки, прибравъ знамена, союзники отправились глядѣть столицу, а главное Государ. Думу, гдѣ крестьянская дѣла рѣшаются. Въ этотъ день засѣданій не было, но они узнали тамъ отъ своего земляка Волынскаго депутата больше, чѣмъ еслибы прослушали рѣчь самого министра. И грустно было имъ слушать разсказъ про Думу.

«Эхъ, говориль землягъ, мало мы маемъ тутъ радостей; не лайте нась дуже люди, намъ и безъ того тяжко. Памятаемо мы вашу биду, та щожь, поробымо, силы не маемо, а помочи никто не даетъ, лѣваки манять обѣшанками, та якъ-же можно имъ повирить: ось на томъ тыжни, ци самые ливые за жидивъ бильшъ стояли нижъ за нами; жыды домогались закона щобъ имъ землю можно было арендовать, (бачьте, наче теперь воны не арендуютъ), то мы обизвались, ѹо такого права нельзѧ имъ давать, бо воны и теперь на каркахъ у нась сидять. Алежъ выйшовъ якійсь Вятскій ливакъ и каже: «Я теже крестьянинъ и протестую противъ Волынскихъ крестьянъ, зачимъ обижать евреевъ, имъ тоже нужно дать равны права». Такъ ливаки нась манять на свою сторону, а сами готовы вся кому жиду продать. А бо ось ще: якъ спомянули въ Думѣ про цей празникъ 300-лѣтія Дома Романовыхъ, таکъ воны якъ черти повыскакивали вси геть: и слухать про Царя не хотять. Якъ-жы имъ вирыть? Продать виру и Царя за якись обицянки, то то гиршъ Гуды буде, бо винъ хоть 30 сребренниковъ получивъ, а ци шарлатаны и того за душою не мають. Нема падіи щобъ народъ отъ нихъ помоћь получилъ, не можемъ мы до нихъ пристать, правой стороны держимся, а межъ правихъ тожъ всяки буваютъ. Горе намъ съ цими думскими правыми, воны тилько кричатъ за Вѣру, Царя и Отечество, а сами одного глядять: своего кармана, та чина. Про крестьянску нужду имъ и не заикайся, заразъ кричать: «Революція», «агарное движеніе». Скильки разъ мы просылы, щобъ воны хоть колы небудь про народные нужды совѣтъ малы. Обищалы каждой ныдити собраніе на щотъ крестьянской нужды робыть. Але якъ не разъ того собранія не было, а якъ заговорылы колысь про биду крестьянску, то предсѣдатель сказавъ: «пусть въ школахъ учать ихъ дѣлать грабли и лопаты, тогда они меныше будутъ хулиганить». На чебъ-то мы хулиганы, то мы жъ господары, лопаты и грабли и безъ школы вмѣемъ робыты, тильки кому ихъ продавать, чи на чому ими працювать? Такъ-то бачте, люди, вси пышуть и кричатъ про крестьянску нужду, а вона ажъ никому не болыть. Ны клянить-жы нась дуже ѹо мы тутъ якъ рыба обѣ ледъ бьемся, а помочи отъ того мало».

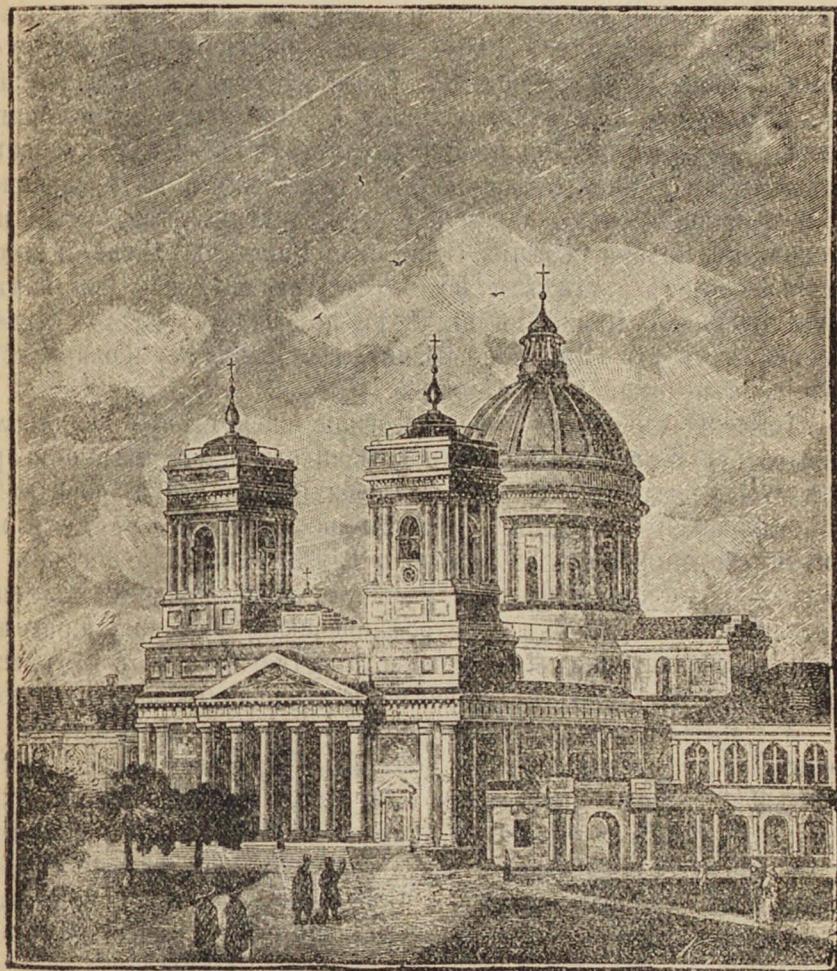
Такъ говориль плечистый и рослый депутатъ-волынекъ своимъ землякамъ и какъ онъ не боролся съ собою, а слезы текли по его желтымъ вналымъ щекамъ и капали на полъ. Да и все Волынские крестьяне депутаты за это время замѣтно по-

желтъли и осунулись. Видно не сладкое имъ житье въ Петербургъ и кровью дается имъ депутатское жалованье.

Торько было слышать это крестьянамъ и поняли они, что лѣваки искренние ихъ враги, а кромѣ нихъ еще есть и такие, которые ласкаютъ крестьянъ, а сами норовятъ ступить на ихъ спины, какъ ступеньку, чтобы пробиться повыше, на мѣсто новиднѣе. И всячески стали оберегаться, чѣмъ-либо и сыграть на руку такихъ своихъ доброжелателей.

Изъ Думы направились они въ Александро-Невскую лавру, гдѣ какъ разъ въ эти часы встрѣчали патріарха. Къ брамѣ вышло множество духовенства съ блестящими хоругвями во главѣ съ Владыкою Антоніемъ, архіепископомъ Волынскимъ. Какъ только парадная карета съ гайдуками, шитыми въ золото, остановилась, патріархъ приблизился къ Владыкѣ Антонію и тотъ началъ свою рѣчъ, пропечатанную въ всѣхъ газетахъ, въ которой благословилъ этотъ день, когда россійская паства и іерархія сподобилась узрѣть своими глазами преемника апостольского престола—великаго града Божія Антіохіи и патріарха всего Востока, поскорѣль обѣ отсутствіи патріарха въ Россіи болѣе 200 лѣтъ и указалъ на особое свойство русскихъ людей—склоняться не предъ земнымъ величиемъ, а предъ освященнымъ благодатію и древностію величиемъ духа, который самый санъ іерархіческій почитають не столько въ соединіи съ великолѣпіемъ, силой, сколько въ сочетаніи съ подвигомъ, страданіемъ и уничиженіемъ. Въ смиренномъ облакѣ патріарха онъ узрѣлъ отблескъ славы первого святителя Антіохіи, первоверховнаго апостола Петра, и богоноснаго священномуученика Игнатія и учителя вселенной Мелетія и великаго Евстафія. Окончивъ рѣчъ, Владыка Антоній распростерся ницъ предъ патріархомъ и, поднявшись, поцѣловалъ его въ руку. Рядомъ съ патріархомъ стоялъ арабъ—архимандрітъ и тихо переводиль слова Владыки. Высокій гость отвѣтилъ по арабски словами благодарности за братскую любовь. При пѣнії тропаря св. Александру Невскому, патріархъ вступилъ въ соборъ, облачился въ голубую патріаршю мантю и прошелъ сначала въ алтарь, гдѣ приложился къ престолу, а затѣмъ къ ракѣ св. бл. кн. Александра Невскаго, поклонился и приложился къ ней. Сказано было многолѣтіе патріарху и онъ отбылъ въ отведенное ему помѣщеніе, чтобы черезъ нѣсколько минутъ ѻхать на панихиду въ Петропавловскій соборъ по предкамъ Царствующаго Дома Романовыхъ и увидѣть Государя Императора, исполнить свое завѣтное желаніе.

Проводивши патріарха и поклонивши предъ ракой благо-
вѣрнаго князя Александра Невскаго, союзники вышли на пло-
щадь и увидѣли памятникъ—фигуру не то быка, не то кабана,
не то лошади, съ сидящимъ на ней человѣкомъ: Когда подо-

Александро-Невская лавра.

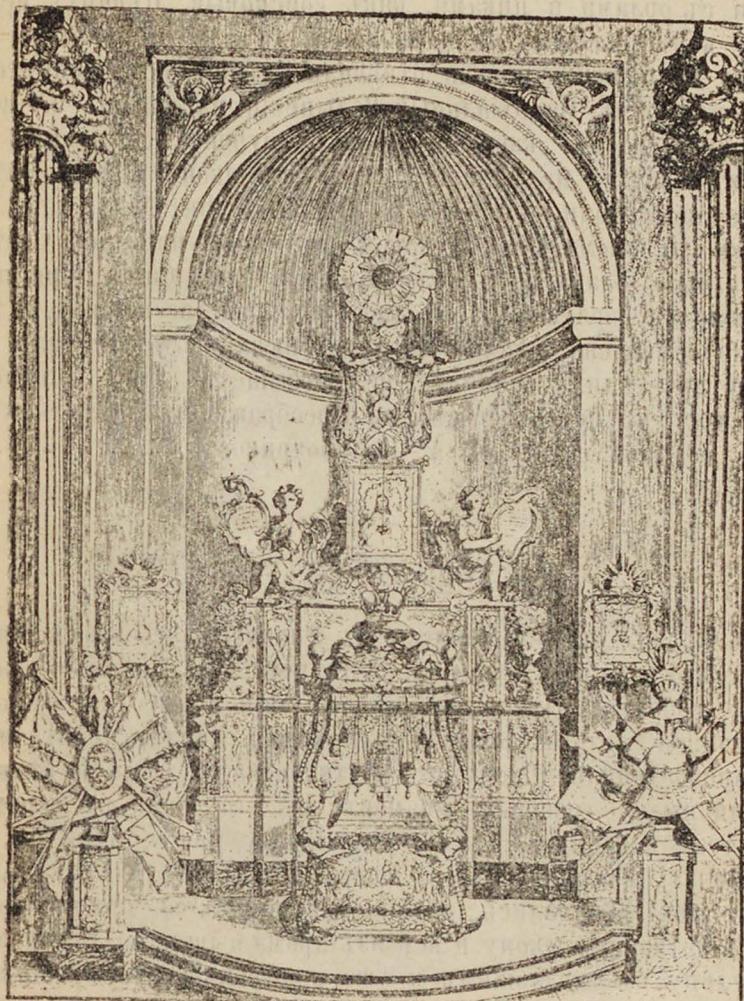
шли поближе, взглянувъ на всадника, всѣ признали въ немъ Государя Императора Александра III, сняли шапки и благоговѣйно перекрестились. Но зачѣмъ священную его фигуру посадили на это неуклюжее животное, какое развѣ только въ сказкахъ можетъ нарисовать фантазія, да еще вдобавокъ въ неприличномъ видѣ, съ хвостомъ отрѣзаннымъ съ реницей—этого понять они

не могли и съ грустью отошли отъ памятника. Хотѣлось бы видѣть Царя Александра III, давшаго вздохнуть Россіи русскимъ духомъ, въ видѣ Георгія Побѣдоносца, осадившимъ русскую конституцію и поразившимъ дракона жидовской революціи. Сниметъ заѣзжій иностранецъ карточку съ памятника и повезеть ее въ Парижъ или Вѣну, чтобы поглумиться надъ русскими и варварской Россіей. Ну, что же? Въ томъ же Петербургѣ есть вѣдь и другіе памятники: Петру I, Николаю I, Екатеринѣ Великой—развѣ они не засвидѣтельствуютъ, что у русскаго народа однакоже никто еще не вытравилъ вкуса къ прекрасному и изящному, или поѣзжайте по другимъ городамъ: въ Москвѣ, въ Казани, Самарѣ, Нижнемъ, Саратовѣ, Киевѣ и множествѣ городовъ другихъ и даже сель—полюбуйтесь на памятники Русскимъ Царямъ и нигдѣ вы не найдете такого «художества», какъ это. Нашимъ союзникамъ лошадь не понравилась, какъ мало похожая на настоящую.

Хожденіе съ самаго утра и обиліе впечатлѣній начинало сказываться и когда одинъ изъ союзниковъ напомнилъ о квартирѣ, все схватились за мысль «побачить шо тамъ робится!» какъ за якорь спасенія. Пришли на Киевскую улицу и не успѣли еще оглядѣться и закусить, какъ пріѣхалъ о. Виталій и объявилъ, что крестный ходъ Волынскихъ союзниковъ въ день Царскаго юбилея будетъ съ Митрофаньевскаго подворья, а потому союзники должны еще свечера снести знамена туда и тамъ, кто пожелаетъ, участвовать въ отправленіи всенощнаго богослуженія.

У Митрофаніевскаго подворья (на углу Кабиненской и Звенигородской улицы) съ тѣхъ поръ, какъ принесли Почаевскую Чудотворную икону, народъ, стояль, какъ подкатившійся ириливъ къ стѣнѣ иерусимой. Разношерстная толпа запрудила почти проѣздъ по улицѣ, образуя передъ входомъ въ Митрофаньевскую церковь подворья цѣнь, звеня которой исчезали за дверями каждый разъ, какъ отворяли ихъ полицейскіе. Кого-только здѣсь не было: военный мундиръ мѣшался съ мѣщанской чуйкой, роскошныя шляпы съ засаленными шалями рynочныхъ торговокъ, студенты, извозчики, вѣсть Богъ откуда явились юродивые, блаженные, прозорливые. Всѣ эти жаждущіе приложится къ Чудотворному образу по цѣльмъ часамъ ждали своей очереди. Воодушевленіе необыкновенное, многіе время отъ времени крестятся и шепчутъ «Пресвятая Богородице, спаси насть! На фонѣ неопределеннаго гула толпы, раздавались рѣзкіе крики снующихъ по тротуарамъ торговцевъ: «молитва колѣнопреклоненная Почаевской Божіей Матери, образки, медальоны».

Около 7 часовъ вечера это море народа какъ быстрый потокъ прорѣзываетъ сплоченное ядро Волынскихъ союзниковъ со знаменами и хоругвями. Сначала недоумѣніе «что за люди» «откуда, такія свитки», потомъ одобрительный шепотъ, смынивъ

Серебраная рака съ мощами б. к. Александра Невскаговъ А.-И. лаврѣшійся испугомъ, какъ бы союзники не заняли все помѣщеніе храма и тогда пришлось бы отложить опять свое намѣреніе приложиться ко св. иконѣ Но испугъ былъ напрасенъ. По распоряженію Владыки Антонія была открыта для союзниковъ нижняя церковь подворья (во имя святителя Тихона, Задонскаго чудотворца), въ которую, кромѣ союзниковъ, никого не впускали.

*

Началась необычайная по обстановкѣ и исполненію всенощная. Въ храмѣ союзники выстроились въ нѣсколько рядовъ вдоль, оставивъ лишь посреди проходъ для «схода». Отъ иконостаса до самого порога храма блестятъ хоругви, знамена и стяги съ орлами и пиками, какъ войсковыя. Пѣвчихъ не было, а какъ положено по церковному уставу на возгласы священика и прошенія діакона отвѣчали «люді» всѣ, присутствовавшіе въ храмѣ. Епархіальныи Волынскій місіонеръ о. архим. Митрофанъ послѣ каѳизмъ сказалъ поученіе, съ какимъ торжествомъ вездѣ принимали Почаевскую ікону Божіей Матери, какъ ее встрѣчали въ Кіевѣ, Могилевѣ, Витебскѣ, какъ Она была въ Царскомъ Селѣ и какая отъ славы народной Святыни должна быть слава всей Волыніи, когда даже Самъ Царь пожелалъ молится передъ Ней. Поздно кончилась всенощная. И тутъ же было объявлено, что по желанію союзники могутъ или идти на квартиру или, если кто не пожелаетъ такъ далекоходить, могутъ переночевать въ Преображенской читальнѣ или же въ союзной школѣ Е. А. Полубояричовой.

Крестный ходъ.

Въ 6 час. утра 21 февраля въ Тихоновскомъ храмѣ Митрофаньевскаго подворья началась литургія. Волынскіе союзники всѣ въ сборѣ, подтянулись въ ожиданіи торжества. По окончаніи ранней литургіи, выйдя изъ храма, стали строиться, къ нимъ присоединились хоругви Путиловскаго завода и нѣсколько столичныхъ союзныхъ знамень. Въ это время въ верхнемъ храмѣ тоже заканчивалась обѣдня. Народу масса, руки не пробить. Во время причастнаго, вошелъ въ храмъ Владыка Антоній и, пока облачались, обѣдня кончилась, оо. архимандриты взяли Чудотворную ікону и всѣ изъ храма вышли на Звенигородскую улицу къ ожидавшимъ и уже выстроившимся союзникамъ.

Крестный ходъ такъ растянулся по улицѣ, что не видно было и конца его. Многія знамена союзниковъ—металлическія—наравиѣ съ церковными хоругвями блестятъ на солнцѣ и придаютъ процессіи особую красоту. Изъ знамень обращаетъ на себя вниманіе огромное казацкое знамя съ картиной запорожцевъ на шелковомъ звѣздномъ полѣ съ шелковыми лентами національныхъ цвѣтовъ, на нихъ красуются надписи «За святой крестъ» и «Царское Самодержавіе».

Крестный ходъ направили по Звенигородской ул., Загородному пр. Гороховой и Казанской среди живыхъ стѣнь народа по ту и другую сторону, ограждаемый полиціей. Многіе желали-бы проникнуть сюда черезъ цѣпь, чтобы попасть къ Казанскому собору, да только немногимъ то счастье выпало на долю. Чтобы

Памятникъ Императору Александру III въ С.-Петербургѣ.

стоять на Невскомъ проспектѣ, и то требовалось добыть отъ полиціи билетъ; боялись большие всего, какъ-бы преступные жиды не пошли за цѣпь, вѣдь жидъ убилъ Царя Александра II, жидъ убилъ первого министра П. А. Столыпина. Пробѣхаль въ автомобилѣ градоначальникъ, увѣшанный отличіями въ падной формѣ, очевидно наблюдающій за порядкомъ крестныхъ ходовъ. Чудотворную Икону несло все время духовенство. Въ

Казанской улицѣ предъ киотомъ съ иконой св. Александра Невскаго около богоугоднаго заведенія крестный ходъ остановился; стали служить молебень. Толпа за крестнымъ ходомъ съ каждымъ десяткомъ минутъ увеличивалась, какъ сибирский комъ.

За цѣпью, отдѣляющей хоругви, союзниковъ и духовенство, стономъ стоялъ гулъ народа, громко раздавалось пѣніе женскихъ голосовъ и восклицанія: «Пресвятая Богородице, заступи и помилуй насть». Владыка прочиталъ Евангеліе, крестный ходъ двинулся дальше и вотъ уже Казанскій соборъ. Къ собору наша процессія подошла съ юго-западной стороны и здѣсь раздѣлилась: союзники со стягами и знаменами прошли къ Царскому подъѣзду и заняли мѣста въ правой колоннадѣ, а духовенство то, которое было въ облаченіи съ Чудотворной Иконой вошло внутрь собора; туда кромѣ него пускали по билетамъ только генераловъ первыхъ трехъ классовъ и самыхъ высшихъ начальниковъ Русскаго государства.

У Казанскаго собора.*)

Казанскій соборъ, какъ видите на картинкѣ, имѣть спереди площадь. Со стороны площади главный у него входъ. Тамъ былъ устроенъ Царскій подъѣздъ, наперть задрапирована краснымъ сукномъ съ короной на верху, вензелями и золотыми кистями. Направо и на лѣво отъ подъѣзда идутъ въ два ряда каменные колонны (столбы) съ крышей. Вотъ въ этихъ то колоннахъ на правой сторонѣ и выстроились Волынскіе союзники въ ожиданіи Царскаго прѣзда. Вся огромная площадь была полна народа, а чтобы попасть на эту площадь нужно было за нѣсколько недѣль выхлопотать у полиції билетъ. Многимъ даже знаменитымъ господамъ не удалось достать такого билета и попасть хотя въ толпу, а давка была тамъ нестерпимая. Полиція конная и пѣшая, созванная со многихъ городовъ, съ трудомъ удерживала напоръ. За то Волынянамъ было удобно и просторно; приказано только имъ, чтобы никого чужого не пускали, чтобы не забралась какая революція и не бросила въ Государя бомбу. Хотѣли примазаться къ Волыннянамъ какіе-то барыши и генералы, но полиція ихъ выпроводила; здѣсь говорить назначено стоять волынскимъ союзникамъ.

Сейчасъ справа отъ насъ красовался Царскій подъѣздъ, передъ нимъ черезъ дорогу устроенъ былъ круглый налисадникъ, а посреди налисадника вся горка была устлана красными

*.) Эта глава принадлежитъ перу о. Архим. Виталия (См. № 49 Вол. Земля). Самъ былъ въ соборѣ І. А.

и желтыми материа́ми и на ней выдѣланъ огромный двухглавый орель.

Не успѣли мы разсмотрѣть всего этого, какъ на Невскомъ появился крестный ходъ; то шли изъ Александро-Невской лавры проче со всей Россіи собравшияся союзники, впереди бѣжало много мальчиковъ, щвочекъ и студентовъ съ трехцвѣтными флагами, потомъ шли самые союзники со знаменами. Знамень у нихъ было не больше, чѣмъ у Волынянъ. Союзники

Казанскій соборъ.

со знаменами стали въ лѣвой колоннадѣ, а флаги въ палисадникѣ.

Всльдъ за тѣмъ двинулись съ музыкой и барабаннымъ боемъ войсковые части. Они выстроились по Невскому проспекту до самого Царскаго Дворца и отдѣлили народъ отъ дороги. Красиво на солнцѣ сияли мѣдные кивера и каски лучшихъ полковъ русской арміи. По фронту проѣжали заслуженные генералы, здоровались со своими частями и давали послѣдняя указанія, какъ встрѣчать Государя. Къ намъ подошла рота старыхъ Георгіевскихъ кавалеровъ въ огромныхъ аршинныхъ медвѣжьихъ шапкахъ и выстроилась внизу по дорогѣ. То такъ называемая золотая рота-дворцовая охрана. Впереди нея стали

два маленькихъ мальчика барабанщика, тоже въ военной формѣ и медвѣжьихъ киверахъ.

Потомъ появились казаки въ красныхъ длинныхъ кафтанахъ и черныхъ папахахъ. Это Царскіе конвойцы. Имъ приказано было вольнымъ строемъ разсыпаться среди народа. Въ Царскомъ подъездѣ стала статный заслуженный швейцарь въ красной раззолоченой ливрѣ (кафтанѣ) съ черными орлами. Начался съѣздъ начальства къ обѣднѣ. Въ соборѣ вмѣщаются чѣтыре тысячи двѣсти человѣкъ, но на этотъ разъ каждое мѣсто было на счету и многимъ высшимъ начальникамъ не хватило билетовъ. Зашумѣли кареты, самокаты; они не успѣвали высаживать сѣдоковъ: болѣе четырехъ тысячъ важныхъ персонъ нужно было доставить въ два часа. Всѣ они были въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ; военные въ полной формѣ и при всѣхъ наградахъ. Одною изъ первыхъ приѣхала Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. Она была, какъ и въ Почаевѣ, въ бѣломъ монашескомъ клубукѣ и мантіи. Ее проводили чрезъ Царскій входъ. Глаза разбѣжались у Волынianъ при видѣ всего блеска нагрянувшей знати и начальства. Тутъ были и Великіе Князья и Министры, Предводители Дворянства, Губернаторы, Командиры арміи и флота, Члены Сената, Государственнаго Совѣта, Думы, придворные дамы. Вонъ въ малиновыхъ кафтанахъ Донскіе козаки понесли серебрянную булаву Наказного Атамана. Вотъ провожаютъ Оберъ Церемоніймейстера (распорядителя всѣми придворными церемоніями) и впереди него несутъ золотой жезль. А вотъ тѣлохранители въ каскахъ съ разноцвѣтными перьями высаживаются изъ каретъ иностраннѣхъ посланниковъ, каждый изъ нихъ въ формѣ своего царства. Появились какіе-то мулы татарскіе и сибирскія ламы (языческіе жрецы) въ разноцвѣтныхъ парчевыхъ халатахъ и съ намотанными на головѣ чалмами и стали тоже въ цалисадникѣ. Попозже въ придворныхъ каретахъ начали подъѣждать статсь-дамы, фрейлины, князья и княгини.

Къ 12^{1/2} часамъ съѣздъ высокопоставленныхъ лицъ окончился. Все притихло въ ожиданіи приѣзда Государя. Вдругъ громко раздалась команда: смирно! на караулъ! И тысячи сабель блеснули на солнцѣ. Гдѣ то вдали, какъ громъ загремѣло: «ура!» ... то Государь вышелъ изъ Дворца. Восторженныя привѣтствія все усиливались и приближались. Волна наконецъ докатила до площади и вся многотысячная толпа всею грудью подхватила:

«ура!» Особенно старались наши Волынине. Глаза всѣхъ устремились на право. Тамъ съ Невскаго проспекта на Казанскую площадь вылетѣла сотня конвойцевъ въ красныхъ черкескахъ на бѣлыхъ коняхъ съ ружьями на готовъ. Всѣдъ за конвоемъ

На паперти Казанскаго собора въ ожиданіи пріѣзда Государя Императора.

мчалась удалая русская тройка, едва сдерживаемая могучимъ бородатымъ кучеромъ. Въ экипажѣ сидѣли Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ. Они были въ сѣрыхъ николаевскихъ шинеляхъ и барашковыхъ шапкахъ съ малиновымъ верхомъ. Это форма стрѣлковъ Императорской фамиліи. Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ, привѣтливо улыбаясь, кланялись направо и налево встрѣчавшему ихъ народу. Какъ только у подъѣзда остановился экипажъ, Наслѣдника Цесаревича взялъ козакъ, а Государь Императоръ, раскланившись, встрѣчавшему Его начальству, прославовалъ въ соборъ. Волынине не отрываясь смотрѣли на свѣтлое лицо Царя Батюшки и Его Наслѣдника. Тѣ были отъ

волынинъ шагахъ въ пяти. Радости Волынинъ не было границъ. «Якъ побачивъ я Государя Батюшку и Его Наслѣдника,—передаваль потомъ одинъ крестьянинъ,— то такъ радостно стало на сердцѣ, наче бъ кто мыни сторублевку подариль. Я ихъ отразу сизнавъ: Воны таки, якъ и на портретахъ пишутъ».

Всѣдѣ за экипажемъ Государя къ собору подкатила раззолоченная карета, запряженная четверкой лошадей цугомъ т.-е. двѣ около дыни и внереди двѣ. На одной изъ переднихъ казачекъ. Два камерь-лакея въ шитыхъ золотомъ бафтахъ соскочили съ запяточъ и отворили дверцы кареты. Оттуда вышли Государыни Императрицы Марія Феодоровна и Александра Феодоровна, восторженно привѣтствуемыи всѣмъ народомъ.

Затѣмъ къ Царскому подъѣзду подкатила третья карета, изъ которой вышли четыре Великія Княжны, дочери Государя. Царскій поѣздъ замыкала вторая сестя удалыхъ конвойцевъ на рыжихъ коняхъ.

Августѣйшее семейство прослѣдовало тоже въ соборъ, гдѣ начиналось уже молебствіе

Въ соборѣ.

Главная святыня собора — икона Казанской Божіей Матери, отъ которой онъ и получилъ свое название, находится по лѣвой сторону отъ царскихъ вратъ. Она была еще въ Петербургѣ во времена Петра Великаго и очень чтится петербуржцами. Къ числу особенностей, обращающихъ вниманіе съ первыхъ шаговъ, принадлежать: въ средней части храма вправо отъ архіерейской каѳедры, Царское мѣсто, увѣнчанное императорскимъ гербомъ съ золоченой надписью: «сердце Царево въ руцѣ Божіей», изъ мрамора, задрапировано бархатной мантіей съ золотыми кистями; налѣво отъ архіерейской каѳедры, противъ Царского мѣста — мѣсто проповѣдника, тоже изъ мрамора и съ надписью: «приидите послушайте, страху Господню научу вѣсть».

Войдя въ соборъ, Почаевскую икону Божіей Матери поставили на столицѣ какъ разъ передъ Казанской. Около нея остался о. Намѣстникъ въ облаченіи и митрѣ на всю службу. Вся церковь устлана сплошь коврами. Направо и налѣво отъ амво-

на пѣвчіе: на правой сторонѣ придворная капелла, рядовъ 6, маленькие впереди, а потомъ побольше, около 20 человѣкъ въ каждомъ, выстроившіеся отъ иконостаса до края солеи, лицомъ къ амвону, всѣ какъ одинъ въ малиновыхъ кафтанахъ съ золотыми начивками и кистями; палѣво-митрополичій хоръ, человѣкъ въ полтораста, всѣ въ синихъ съ серебряными

Казанская икона Божіей Матери.

нашивками и кистями. Стоять — не шелохнутся. Регента въ серединѣ группы. Даже во время иѣнія строй не ломается и никто не вертится, не выходитъ, не разговариваетъ. Любо посмотретьъ даже, а не то послушать.

Прибывшее съ Иконой духовенство прошло въ алтарь. Тамъ уже въ ожиданіи начала богослуженія собралась высшая іерархія. По правую сторону отъ царскихъ дверей сидѣли — знакомый уже намъ — патріархъ антіохійскій, за нимъ триполій-

скій митрополитъ, сербскій митрополитъ Димитрій, кіевскій митрополитъ Флавіанъ. Петербургскій митрополитъ должно быть пошел на архіерейскую каѳедру облачаться. Облачились и другие архіереи, митрополиты, прогонпресвитеры,protoіереи и со всѣмъ величіемъ православной службы стала совершаться літургія. На проскомидію совсѣмъ мало подавали просфоръ, но подавали. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, прибывшая къ началу службы, прислала три просфоры вынуть частицы. Встрѣтился съ о. Фомой, патріаршимъ архідакономъ, не разстается съ записной книжкой, все записываетъ, а записать есть что. Вездѣ мраморъ, малахітъ, гранітъ, престолъ—изъ чистаго серебра. За престоломъ большія иконы—картины висять подъ зеркальными стеклами, скобу трудно разобрать, что написано, отсвѣчиваетъ, тысячерублевыя, наизнанкѣихъ художниковъ; надъ ними настоящая иконописная роспись Тайной Вечери въ куполѣ алтаря. Внимательно разматривать алтарь въ это время неудобно, толпится около protoіереи столичные одинъ другого наряднѣе—кто въ шелку, кто въ бархатѣ, въ орденахъ, а кто и со свѣздами, съ широкими лентами и извѣстностью. «Вотъ рядомъ съ вами о. Восторговъ, а воинъ Сосняковъ» говорить мнѣ.

Послѣ малаго входа всѣ четыре митрополита встали въ рядъ предъ престоломъ, у всѣхъ митры съ крестиками. Пронесли хрустальный крестъ, на тонкой рукояти, то, говорятъ, Высочайше пожалованный митрополиту Владимиру ради юбилея. Во времія Херувимской всѣ четыре святители подошли къ жертвеннику и всего были въ трехъ шагахъ отъ меня. Что въ это времія я перечувствовалъ, трудно описать. Я зналъ только, что большаго церковнаго торжества нигдѣ въ Россіи не увидишь, что здѣсь не только почти всѣ, главные правительствующіе святители Русской церкви, но есть главы другихъ церквей—сербской и митрополіи триполійской.

А на клиросахъ то на правомъ, то на лѣвомъ заливаются иѣвчіе звоными голосами, иѣть чи отсталыхъ, ии выдѣляющихся, всѣ какъ одинъ иѣжный и могучій инструментъ. Хорошо! чудно хорошо! Больше уже никогда не услышишь такого пѣнія,

Пока шла обѣдня соборъ наполнялся знатью. Прежде другихъ прибыли церемоніймейстеры съ золотыми палками, а потомъ уже приѣхали иностранные послы, министры, сенаторы, члены Госуд. Совѣта и Госуд. Думы и разные генералы. Во вре-

мя причастного стиха (иъли «Милосердія двери») я посмотрѣлъ изъ алтари и изумился. Все блескъ и золото. Справа отъ солеи оставлено свободное мѣсто, на коврѣ постланъ другой болѣе роскошный коверь, стоять четыре золоченыхъ кресла—тутъ, говорить, встанетъ Государь съ Семьей, ибо Николай Александровичъ на Царскомъ мѣстѣ за загородкой—никогда не становится. За этимъ пока свободнымъ мѣстомъ—стоять придворныя дамы княгини да графини, а за дамами—послы иностранные. Съ послами наши первые и вторые придворные чины, оберъ—гофмаршалы, камергеры, камерь—юнкеры, и у всѣхъ нашихъ чиновъ мундиры залиты золотомъ, сплошь золотое шитье. За ними министры, Государственный Совѣтъ, болѣе родовитые и видные члены Госуд. Думы (Родзянко—предсѣдатель Думы выхлопоталъ, чтобы тутъ отвели мѣста членамъ Думы). За архіерейской каѳедрой справа почтенные люди въ красныхъ мундирахъ съ золотымъ шитьемъ—это сенаторы, а за ними важные чиновники и губернаторы. За колоннами волостные старшины во всю длину церкви. Это—правая сторона.

А на лѣвой, позади солеи, напротивъ Царской фамиліи—Государева свита, за нею, оставивъ мѣсто для прохода, тѣсная группа штабъ и оберъ-офицеровъ и военная депутаций.

Около проновѣднической каѳедры (слѣва отъ архіерейскаго мѣста) и за ней—члены юбилейнаго комитета по празднованию 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. За ними, противъ красныхъ мундировъ сенаторовъ, свѣтлые туаэты городскихъ дамъ, имѣющихъ пріѣздъ ко Двору. А за дамами огромная группа петербургскаго дворянства и представители другихъ губерній.

Вотъ красные воротники мундировъ—это губернскіе предводители дворянства, вонъ черные съ золотымъ шитьемъ—это чиновники разныхъ вѣдомствъ. Среди городскихъ дамъ замѣщалась какая-то монахиня. Оказывается это сестра патріарха Григорія IV, прибывшая съ нимъ въ Россію. Это лѣвая сторона.

Порядкомъ вѣдаются церемоніймейстеры съ тростями со сплюснутыми набалдашниками и андреевскими бантами на нихъ. Они указываютъ мѣста темъ, кто затрудняется найти свое.

Соборъ залитъ огнями. Три огромные люстры паникалиа блестятъ тысячами электрическихъ лампочекъ. Куполь собора внутри обведенъ такимъ-же кольцомъ электрическихъ огней.

Обѣдня кончается. Какъ вдругъ ворвался въ храмъ съ улицы громъ выраженія народнаго восторга.

То подъхаль къ собору Государь Императоръ и союзники Его привѣтствуютъ столь громогласнымъ «ура». Въ храмъ узнавъ о приѣздѣ Государя, иѣвчіе, тѣ и другіе, грянули двухорный концертъ Бортнянского «Кто Богъ велій». Каждтъ эя гуль паружный и концертное пѣніе внутри храма слились въ единый мощный гласть, привѣтствующій прибытие Русскаго Царя и славящій за эту милость величіе Господа.

Изъ алтаря навстрѣчу Государя вышли патріархъ въ бѣломъ омофорѣ и темнозеленомъ саккосѣ, а съ нимъ 4 митрополита, 16 архіереевъ и сонмъ духовенства (до 50 однихъ золотыхъ шапокъ). Передъ патріархомъ держуть крестъ. Выступивъ немного впередъ, митрополитъ Петербургскій Владіміръ привѣтствовалъ Государя краткой рѣчью, покропивъ святой водой. Царь въ красной лентѣ и Андреевской цѣни Въ это время подъхали Государыни Императорицы и Великія княжны. Всѣ заняли свои мѣста. Первымъ отъ прохода встала Государь Императоръ, рядомъ съ нимъ матушка—вдовствующая Государыня Марія Феодоровна, въ голубой лентѣ, рядомъ съ Ней—Наслѣдникъ Цесаревичъ въ красной лентѣ, а за Нимъ Царица Александра Феодоровна, въ голубой—. Шатовъ на пять назадъ встали четыре Царскія Дочки—въ бѣлыхъ платьяхъ съ красными лентами, всѣ четверо образуя одинъ рядъ.

Духовенство въ золотыхъ облаченіяхъ составило двумя линіями прямой уголь (такъ —), архіереи всѣ какъ обычно— рядомъ другъ съ другомъ поперекъ церкви, сослужащіе архимандриты и протопресвитеры—всѣ на одной лѣвой сторонѣ, такъ что всѣ оказались къ Государю лицомъ,

Какъ только заняли всѣ свои мѣста, вышелъ на амвонъ протодіаконъ Исаакіевскаго собора Лысогорскій и гулко началъ читать Высочайшій Манифестъ. Это былъ самый торжественный моментъ. Вся Россія въ лицѣ самыхъ видныхъ сыновъ своихъ слушала слова своего Самодержца, всѣ насторожились, какія кому милости будуть отъ Государя. Крестьяне фундаментъ земли русской оказались незабыты, слышу читаетъ протодіаконъ о крестьянахъ: **«Неизмѣримы и неисчислѣмы заслуги предъ Россіею десятковъ миллионовъ ея пахарей, терпѣніемъ и трудомъ коихъ благоустроется земледѣльческій промыселъ, и умножаются основные источники народнаго богатства.»** Есть уголокъ въ сердцѣ Государя, гдѣ крѣпко у него засѣли заботы о крестьянахъ.

Начало молебну положилъ самъ патріархъ, произнесъ возгласъ по гречески. Евангеліе на молебнѣ тоже читалъ патрі-

архъ, но уже по-арабски, звонкимъ, пѣвучимъ голосомъ, а за нимъ по-славянски потомъ прочиталъ Евангелие митрополитъ Петербургскій. Въ концѣ молебна встали всѣ на колѣни и митрополитъ Владимиръ прочиталъ съ умиленiemъ, составленную

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

на этотъ случай молитву архіепископомъ Антониемъ, одобренную Свят. Синодомъ. Многолѣтія возглашаль другой протодіа

конь.—придворный-по фамиліи Скобниковъ, покойно и мощно.

Лишь запѣли «многая лѣта», загудѣли колокола, загремѣль со стѣнь петербургской крѣпости салютъ, войска, находящіяся въ строю внѣ собора отдали честь, торжественный перезвонъ

пока тиася и пушечная пальба огласила столицу.

По окончании богослужения Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества, приложившись ко кресту, прикладывались къ чудотворнымъ иконамъ Спасителя, къ Казанской и Почаевской иконамъ Божіей Матери, послѣ чего прослѣдовали къ выходу. Едва Ихъ Величества вышли на паперть, какъ всѣ стяги, опоясывавшіе площадку, склонились. Забить барабаны Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества, размѣстившись въ экипажахъ, въ томъ же порядкѣ прослѣдовали по Невскому проспекту къ Зимнему Дворцу, и вновь громовые раскаты «ура» встрѣчали и пророжали Царственный поездъ.

Въ соборѣ послѣ отѣзда Государя Императора море золотого шитья заволновалось, кто здоровался, кто искалъ знакомыхъ, японскіе, китайскіе и другіе чины изъ посольства перемѣщались съ русскими мундирами. Болѣе высокаго и благороднаго собранія, какое въ этотъ день было въ Казанскомъ соборѣ, у насъ въ Россіи быть не можетъ.

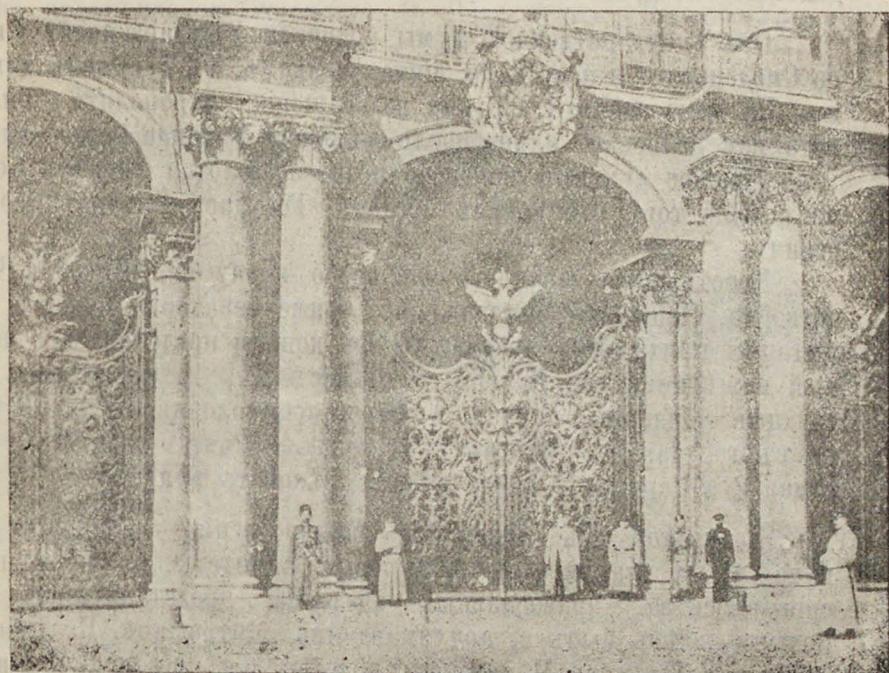
Мы поспѣшили было вынести изъ собора икону Почаевской Божіей Матери, да оказалось это нелегко сдѣлать. Знатные люди одинъ на перебой другому толкались, чтобы приложитьсь къ святыни русскаго народа. Иной и отойдетъ не приложившись, да вдругъ съ чего-то заволнуется—поблѣднѣеть, покраснѣеть, и снова вернется, и уже непремѣнно поклониться ницъ, дождется, и приложиться. Пожалуй съ часъ времени потребовалось, пока мы съ о. Антоніемъ, іеромонахомъ съ Аѳона, пробились сквозь преграждавшую намъ путь стѣну народа и вышли къ выстроившимся Волынскимъ союзникамъ, дожидавшимся проводить Волынскую святыню обратно въ Митрофаньевское подворье. Было уже четыре часа, когда Волынне поставили въ нижней церкви свои знамена, усталые, но радостные возвратились отдохнуть и пообѣдать.

Предъ Почаевской-же иконой немедленно начались молебны и верхняя церковь оказалась биткомъ набитой народомъ.

Пріемъ во Дворецъ.

Въ то время, какъ союзники шли на Митрофаньевское подворье, придворные чины и вся знать катила кто на самокатахъ, кто на коняхъ по Невскому къ Зимнему дворцу, гдѣ въ 4 часа былъ назначенъ пріемъ депутаций.

Ихъ Императорскія Величества сначала принимали поздравленія отъ Патріарха Антіохійскаго и всего Востока Григорій IV, отъ Высокопреосвященнаго Димитрія архієпископа Бѣлградскаго, представителя Константинопольскаго патріарха архим. Іакова, Эмира Бухарскаго, Хана Хивинскаго и монгольскаго посла Ханды—Дорджи-въ Малахитовой гостииной Дворца. Потомъ перешли въ Концертный залъ. Государь и Наслѣдникъ были уже въ голубыхъ лентахъ. Сюда вышли особы Императорской фамиліи, придворныя

Главные ворота Зимняго Дворца.

дамы и фрейлины, лица Государевой свиты и чины Высочайшаго Дворца. Всѣ дамы были въ русскихъ платьяхъ, причемъ Императрицы съ голубыми лентами, а Великія Княжны и прочія придворныя дамы—въ красныхъ (Екатеринскихъ).

Въ Концертномъ залѣ приносили поздравленіе православное высшее духовенство, митрополиты, и архієпископы, протопресвитеры. Митрополитъ Петербургскій—Владиміръ привѣтствовалъ Государя Императора рѣчью, Высокопреосвященные Волынскій Антоній и Финляндскій Сергій держали въ рукахъ святую

икону знаменія Божієї Матері більшихъ размѣровъ (17×14,) укращенную жемчугомъ и шитую шелкомъ.

Вмѣстѣ съ этой іконой Знаменія Божієї Матері поднесли Государю Імператору благословленную грамоту Св. Синода.

За духовенствомъ приносили поздравленія андреевскіе кавалеры, а за ними Совѣтъ министровъ въполномъ составѣ, предсѣдатель и члены Государственнаго Совѣта, всеподданѣйшее поздравленіе сопровождали поднесенiemъ іконы.

Отъ Государственной Думы поднесли Государю ікону Спаса Смоленскаго и полотенце, шитое шелкомъ, въ 7 сажень длины. На немъ вышита картина возвращенія митрополита Филарета изъ польскаго плѣна послѣ воцаренія Михаила Феодоровича.

Думское духовенство особо поднесло золотой литый крестъ на подобіе того, что носилъ предокъ Государя Михаилъ Феодоровичъ.

Крестьянскіе депутаты еще особо икону св. Николая Чудотворца. Приносили поздравленіе также сенаторы, военные депутаты, придворные кавалеры. Въ конецъ представлениія первый нашъ министръ Коковцевъ поднесъ Ихъ Величествамъ нагрудные юбилейные значки. Архіерей, благословивши, лобызаются съ государемъ рука въ руку, свѣтскіе чины кланяются Государю, а Царицамъ имѣли счастіе целовать руку.

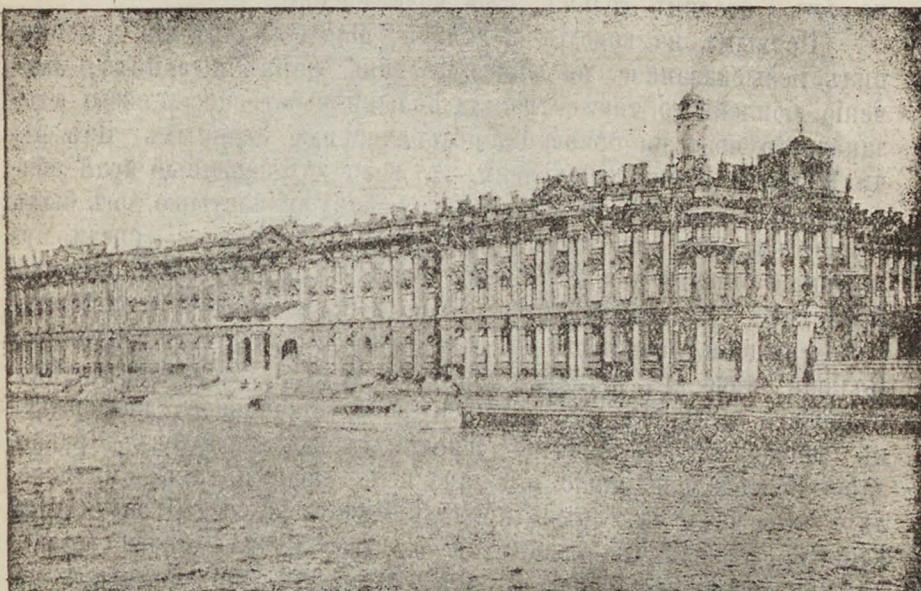
На другой день приносили поздоровленія дворянскія депутаты, земства, городскія, биржевые комитеты, купцы, мѣщанская общество, православныя братства, представителемъ отъ Волыни здѣсь былъ о. арихимандритъ Митрофанъ. На приемъ старшинъ Государь Імператоръ облобызался съ старшиной-крестьяниномъ и тѣмъ какъ-бы запечатлѣлъ крѣпость союза Царя съ народомъ.

Въ залѣ Калашниковской биржи.

Волынскимъ союзникамъ было заранѣе объявлено, что подѣлится своимъ впечатлѣніями по поводу юбилейныхъ торжествъ и чувствами по случаю радости лицезрѣнія самого Государя и Его Наслѣдника они соберутся въ залѣ Калашниковской биржи (на Полтав. ул.). На Невскомъ, всегда оживленномъ и шумномъ, подготовлялась блестящая иллюминація. Въ 7-мъ часу уже кое-гдѣ сяли электрическіе щиты, какъ звѣзды на фонѣ темныхъ силузотовъ петербургскихъ домовъ.

Какъ-то незамѣтно мы очутились на Полтавской улицѣ и намъ указали роскошное зданіе биржи. «Якіе же дома строятся въ Петербургѣ, сколько хатъ здѣсь можно убрать», говорили союзники. Дѣйствительно, залъ приготовленный для засѣданія

Волынскихъ союзниковъ, былъ громадный, и въ этотъ вѣчеръ залить бѣльмъ свѣтомъ электричества. Думаю, что съ большимъ удобствомъ здѣсь можно помѣститься тысячамъ 2 человѣкъ, хотя на этотъ разъ было вѣздѣ плотно. Начался молебенъ предъ иконою Спасителя. О. Намѣстникъ Почаево-Успен-

Зимній Дворецъ.

ской Лавры служилъ, а вся многотысячная масса союзниковъ прекрасно спѣвшаяся на Волыни еще въ крестныхъ ходахъ, огласила мощными звуками величественную залу, переливавшимися эхомъ въ длинныхъ коридорахъ. Коленоисклонно молился собравшійся народъ за своего Царя Батюшку въ самой его столицѣ. Прогремѣло дружное многократное многолѣтіе и хотѣли было занимать мѣста, какъ въ залъ вошелъ медлено Владыка Антоній, архиепаstryр всей Волыни. Произѣли «Достойно» входное, «Исъ полла эти, деспота!» и получили архиерейское благословеніе.

На эстрадѣ, (такъ называю возвышеніе передъ мѣстами слушателей), возвышается каѳедра, убранная богато, съ золочеными массивными кистями, а около нея огромный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, за коимъ заняли мѣста видѣвшіе члены Союза Русскаго Народа. Прежде всего основатель первого Союза на Руси въ годы русской революціи А. И. Дубровинъ, около него патріотка и народница изъ великоєвѣтскихъ дамъ Е. А. Полубояринова, нравственно и материально поддерживающая *русское* дѣло въ Имперіи путемъ изданія печатныхъ органовъ, горячій и країнорѣчивый ораторъ профессоръ Б. Никольскій и другіе видные и извѣстные дѣятели по союзу не въ столицѣ только, а по всей Россіи.

Первымъ на каѳедру поднялся Влацыка Антоній и исполнилъ невысказанное, но общее желаніе всѣхъ выяснить значеніе юбилейнаго торжества для Волыни собственно и всего юго-западнаго края на основаніи историческихъ данныхъ. Изъ рѣчи Владыки слушатели узнали, что весь юго-западный край обязанъ спасеніемъ православію Почаевскому монастырю, онъ былъ единственнымъ оплотомъ, несокрушимой скалой среди бушующаго моря уніи съ еретическимъ католичествомъ, а самъ монастырь поддерживался издавна мощною рукою россійскихъ Самодержцевъ. Даже въ то время, когда онъ былъ во владѣніяхъ Польши, признавалъ зависимость свою лишь отъ константинопольскаго патріарха и обращался за материальной поддержкой къ московскимъ Царямъ. Черезъ своихъ іерарховъ Православіе Востока окормило юго-западный край и тотъ митрополитъ Неофитъ, который привезъ Чудотворную Икону Анны Гойской, пробылъ не мѣсяцъ и не два, а жилъ цѣлые годы.

Благочестивая бояршина, при устройствѣ обители, кроме побужденія благодарнаго чувства къ Господу за исцѣленіе отъ слѣпоты брата Филиппа, имѣла еще другую цѣль: она ее назначила мѣстопребываніемъ названнаго митронопита, который былъ первымъ настоятелемъ Почаевскаго монастыря до самой кончины въ 1617 году въ теченіи цѣлыхъ 20 лѣтъ.

Значеніе этого пребыванія на Волыни православнаго іерарха было огромное: не будь его, унія не осталась бы только на бумагѣ въ продолженіе почти ста лѣтъ, а поглотила бы собою всѣхъ православныхъ поселянъ нашего Заднѣпровья, потому что у нихъ не осталось православнаго епископа, а, слѣдовательно, изсякло бы вскорѣ и священство.

«Между тѣмъ названный митрополитъ Неофитъ, какъ свидѣтельствуетъ недавно открытая въ архивахъ *протестація* глав-

наго измѣника православію, уніатскаго епископа Ипатія Потьля, разъѣзжалъ по сельскимъ церквамъ Волыни, наставляя хрис-

Высокопреосвященній АНТОНІЙ, Архієпископъ Волинскій и Житомирскій.

тіанъ въ православной вѣрѣ и повсюду «ставилъ этимъ хлопамъ половъ», которые вмѣстѣ съ прихожанами принимали его честью, а отъ «законнаго», т. е. уніатскаго, епископа укло-

нялись. При этомъ въ протестаціи упоминается о томъ, что монастыри Кіево-Печерскій и Дерманскій снабжаются этого грата архіерейской ризницей и свитой.

«Кончина преосвященнаго Неофита поставила опять всю православную Малороссію въ безвыходное положеніе духовнаго сиротства, если бы ее онять не выручили греческіе іерархи. Имено въ 1620 году проѣзжавшій черезъ Кіевъ Іерусалимскій патріархъ безъ всякихъ сношеній съ польскимъ правительстvомъ иосвятилъ въ Кіевъ въ продолженіи иѣсколькихъ дней 6 епископовъ для малороссовъ польского государства. Правительству пришлось волей-неволей, хотя и не сразу, признать этихъ епископовъ подъ натискомъ казацкихъ возстаній, и православіе было обезпечено въ тогдашней Польши еще на много лѣтъ.

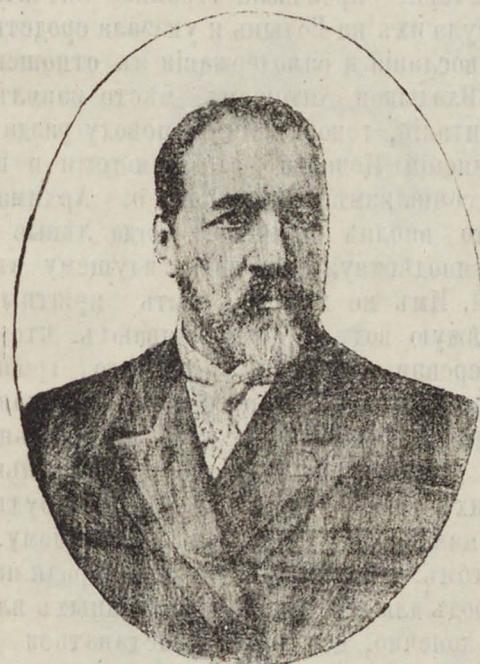
Такъ выяснилось въ послѣднее время, что именно Почаевскій монастырь Люблинскую унію сдѣлалъ безсильно больше, чѣмъ на 100 лѣтъ.

•Только съ начала XVIII вѣка, когда окончила свое существованіе Московская Русь, стоявшая горою за православныхъ въ Польши, и появилась Петербургская Россія, почти безучастная къ судьбамъ православія, а въ началѣ даже враждебная къ нему,—только съ начала XVIII вѣка польское правительство начало окончательно искоренять православіе въ своихъ предѣлахъ; и вотъ съ 1709 года начинаютъ уничтожаться главные оплоты его—Львовское правословное братство и Почаевскій монастырь, который въ 1712 году, по изгнанію доблестнаго игумена Іосифа Исаевича, былъ насильственно переведенъ въ унію. Послѣдняя попытка почаевской братіи удержать обитель въ православіи сдѣлалась извѣстна исторія только въ этомъ году. Именемъ этой самой игумена Іосифа на другой годъ послѣ Полтавской побѣды Петра Великаго явился къ нему и упросилъ Русскаго Государя признать Почаевскій монастырь ставроигію московскаго патріарха въ лицѣ мѣстоблюстителя послѣдняго.

«Недавно найдена пата Петра I польскому правительству, въ которой онъ предлагаетъ изъять Почаевскій монастырь изъ вѣдѣнія мѣстаой церковной и гражданской власти и предоставить ему считаться ставроигіей московскаго патріарха.»

Великія заслуги православію для края Почаевскій монастырь могъ оказывать благодаря поддержкѣ русскихъ Самодержцевъ. Митрополитъ Неофитъ ѿхалъ изъ Москвы, видѣлся тамъ несомнѣнно съ русскимъ Царемъ. Преподобный Іовъ, бывший за нимъ игуменомъ, слѣдовать его примѣру и обращался съ

письмами къ царю Михаилу Феодоровичу, одно изъ которыхъ дошло до нась». Тутъ Владыка Антоній съ буквальной точностью прочиталъ на память все письмо преподобнаго, которое въ фотографической копіи можно видѣть около раки Преподобнаго въ пещерной церкви лавры. Въ немъ преподобный пишеть о давнемъ своемъ желаніи «самолично земно поклониться Своему Государю и зрѣть его пресвѣтлое ангельское лицо», чего, однако же не можетъ сдѣлать, «не дадъ мнѣ», пишеть онъ, Господь Богъ даже силь, необходимыхъ для монашескаго подвига и посылаеть къ Госуда-

А. И. Дубровинъ, основатель въ Россіи Союза Русскаго Народа.

рю известнаго уже послѣднему іеромонаха Игнатія. Съ просьбой о помощи, по случаю пожара въ обители. Характерно то, что и преподобный называетъ Царя Московскаго Государемъ своимъ «поборникомъ св. православія, вѣрнымъ Христу, нерушимымъ столпомъ церквей и монастырей, обычно милостивымъ для тѣхъ, кто подвизается въ благочестіи».

Далѣе отмѣтившисъ заслуги московскихъ царей и упомянувъ снова о попыткѣ Петра Великаго отстоять за монастыремъ Почаевскимъ значеніе ставропигії московскаго патріарха, Владыка въ крат-

комъ очеркъ, сообщаю ѿ отношеніяхъ царей Рода Романо-
выхъ—Императоровъ Николая I, Александра II, Александра III,
и нынѣ благополучно царствующаго Николая II—къ Почаевской
лаврѣ.

Рѣчь Владыки, какъ открывающая новую страницу исторіи
унії на Волыни и характеризующая отношеніе россійскихъ само-
держцевъ къ окраинному оплоту православія въ связи съ
пребываніемъ въ Петербургѣ Чудотворного образа По-
чаевской Богоматери, произвела огромное впечатлѣніе на слу-
шателей, перекинула ихъ на Волынь и указала сродство двухъ вели-
кихъ идей православія и самодержавія въ отношеніяхъ къ унії.

Всльдь за Владыкой Антониемъ мѣсто занялъ на каѳедрѣ
Архимандритъ Виталій, говорившій по поводу раздающихся спра-
ва и слѣва обвиненій Почаева въ демогогіи и въ какомъ—то
христіанскомъ соціализмѣ. Въ рѣчи о. Архимандритомъ бы-
ло отмѣчено, что вполнѣ понятно, когда лѣвые всячески ин-
тригаютъ, противодѣствую вліянію идущему въ народъ, съ
горы Почаевской. Имъ не можетъ быть пріятнымъ, когда ихъ
выводятъ на свѣжую воду и обнаруживаются, что ихъ любовь
къ мужику и деревни не стоить мѣднаго гроша, какъ выте-
кающая изъ своеокорыстныхъ расчетовъ тщеславія, честолюбія
и, какъ агентовъ революціи, даже матеріального характера.
Труднѣе понять недоброжелательство къ дѣятельности изъ По-
чаева именующихъ себя правыми. Они какъ будто берутся за-
щищать тѣ же начала, но это только повидимому. Коренное ра-
зличіе здѣсь въ томъ, что они дѣйствуютъ не ради народа, а только
опираясь на народъ для достиженія собственныхъ властолюбивыхъ
цѣлей. Народъ, конечно, не можетъ оставаться безъ вождей,
если не хотятъ, чтобы стадс народное распустили революціо-
неры, но ему нужны искренне—преданные ему вожди, безко-
рыстно желающіе помочь его бѣдѣ и даже не имѣющіе почвы для
столкновеній изъ за личныхъ интересовъ—земельныхъ, иму-
щественныхъ. Самое недоброжелательство правыхъ къ дѣятель-
ности изъ Почаева преподнимаетъ на нихъ маску и за-
ставляетъ видѣть ихъ настоящій обликъ—демагоговъ,—уле-
щающихъ народъ порой, какъ Понѣи и Терлекіе, держащихъ
его въ кулакѣ, чтобы можно было властствовать и пове-
львать имъ въ огражденіе своихъ имущественныхъ и земле-
владѣльческихъ интересовъ, чтобы можно было держать народъ
на привязи и заставлять его плясать по крѣпостнической дудкѣ.
Въ дѣятельности почаевскихъ руководителей все ясно—тутъ ни
зрѣи, ни обмана, ни клеветы, все свѣтло. Народное благо желають

здесь создать руками народными путемъ самыи закономърныи — путемъ расширения крестьянского землевладѣнія, обеспеченія возможности мелкаго кредита, развитія кооперации и пр. Нравственные мотивы, лежащіе въ основѣ Почаевской дѣятель-

Е. А. Полубояринова присутствовавшая на собраниі союзниковъ, какъ убѣжденная въ правотѣ дѣятельности нашего Союза Русскаго Народа. ности, очень далеки отъ тѣхъ, кои побуждаютъ панимать за 3 руб. поддержать союзное знамя на Царскій день. «По плодамъ ихъ узнаете ихъ». Что сдѣлали эти народники правые для народа, хотя бы въ качествѣ членовъ Госуд. Думы, знаемъ отъ Волынскихъ депутатовъ, плачавшихъ слезами о полномъ небре-

женії пуждъ крестьянъ. На знамснахъ союзныхъ изъ Почаева тѣ же эмблемы, но не ради того, чтобы ими отвести глаза и кому-то втереть очки, а ради того, чтобы на этихъ руково-дящихъ началахъ, завѣщанныхъ русской исторіей, избавить народъ отъ инородческаго и бюрократического плѣненія и пове-сти его къ достатку, счастью, величію и славѣ.

Такъ мнѣ воспоминается то, о чёмъ говорилъ о. архим. Виталій. Въ залѣ настроеніе слушателей замѣтно все повышалось и повышалось, по мѣрѣ того, какъ захватывались говоря-щими самые жизненные вопросы.

Выходъ на каѳедру первого основателя въ Россіи «Союза Русско-го Народа» А. И. Дубровина былъ привѣтствованъ дружными аплодисментами. Нѣсколькихъ словъ опыта искренно-преданного русско-национальному дѣлу оратора о радости великаго и знаменательнаго дня Царскаго юбилея было достаточно, чтобы довести слу-шателей до высокаго энтузіазма, заставившаго всѣхъ разомъ запѣть гимнъ любимый русскаго народа: «Боже, Царя храни!» потомъ повторявшийся въ продолженіе вечера нескончаемое число разъ. А. И. привезъ выдержку изъ Высочайшаго Манифеста 19 февра-ля 1861 г., что самыи благотворныи законъ не можетъ людей сде-лать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона» и что «довольство и ріюбѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ тру-домъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостью и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнію». Призываючи себя крестнымъ знаменемъ по поводу исполнив-шагося 300 лѣтія царствованія Дома Романовыхъ и новыхъ милос-тей крестьянамъ, которые не обойдены и въ Высочайшемъ Манифестѣ и въ Именномъ Указѣ Правителствующему Сенату. Затѣмъ А. И. напомнилъ слова Государя Императора депутаціи Союза Русскаго Нарона и, основываясь на нихъ, спазалъ блестящую импровизацію о заслугахъ Самодержавія передъ Россіей и о тѣхъ чувствахъ благодарности и обожанія къ своимъ Царямъ, которые и жили и вѣчно будутъ жить въ сердцахъ вѣрноподданическихъ настоящаго русскаго народа.

При громѣ рукоплесканій окончилъ свою воодушевленную рѣчь Дубровинъ, народъ слушалъ его, какъ нового Моисея, указавшаго путь къ избавленію родины отъ инородческаго ярма.

Слѣдующій за нимъ ораторъ — профессоръ Б. Никольскій, извѣстный своимъ краснорѣчіемъ всей Россіи, далъ новую струю воодушевленія и энтузіазма. Едва сдерживаясь отъ охва-тившаго всѣхъ патріотическаго одушевленія, отъ желанія пѣть

еще и еще гимнъ за Царя, при напряженной тишинѣ появившійся на кафедрѣ чистенькой блондинѣ, не высокаго роста, но крѣпкаго тѣлосложенія, своимъ виѣшиимъ видомъ дѣйствовавшій уже на публику подкупающимъ образомъ, рассказалъ собранію, что на грамотѣ, призывающей на Царство Михаила Феодоровича Романова есть подписи и татарскихъ князей.

На этомъ фактѣ онъ быстро и послѣдовательно построилъ характеристику нашихъ предковъ—какъ людей въ высшей степени уживчивыхъ, миролюбивыхъ, не пожелавшихъ имѣть на престолѣ католика Владислава, но не оттолкнувшихъ отъ участія въ великому государственномъ актѣ избрания Царя на царство татарскихъ князей въ тѣхъ соображеніяхъ, что дѣти тѣхъ князей сольются съ русскимъ народомъ, примутъ его вѣру правую и будутъ прекрасными вѣрноподданными, участвующими въ общей строительной работе русской государственности. И въ настоящее время ихъ потомкамъ не преиятствуетъ ни-что сліянію инородчесства на равныхъ правахъ гражданственности съ нами, но мы протестуемъ, когда это инородчество плотно усаживается на русскихъ спинахъ или запрягаетъ русскій народъ въ хомуты. Но русскій народъ и силенъ, и достаточно разуменъ, чтобы не поддаться этому засилію. Изъ настоящаго юбилейнаго торжества уже видно, что онъ умѣеть чтить свою старину, относится къ ней съ уваженіемъ, а такой народъ еще не умеръ имѣть своей *raison d'être*, не потерялъ право бытія. До сего времени мы думали, что настѣль такъ мало. До настѣль доходили слухи, что на Волыни крѣпокъ и друженъ Союзъ, о вѣсъ, волынскіе союзники, гремѣла слава въ годы русской революціи, но теперь мы собственными глазами увидѣли эту дружность и силоченность. У вѣсъ есть то, чего нѣть у настѣль. «Мы здѣсь въ Петербургѣ вѣсть какъ эти пальцы, показать онъ поднявшіи руку. Нѣть у настѣль силы, одни споры, а вы, Волыньяне, вѣсть какъ: при этихъ словахъ, онъ медленно и крѣпко сжалъ руку въ кулакъ, «какъ называется этотъ орѣшекъ всякий жидъ скажетъ. Только нестерпима имъ эта работа».

По залѣ пронесся гулъ одобренія, быстро смѣнившися взрывомъ рукоплесканій.

Упомянуль профессоръ, что на Невскомъ въ 1905 году многіе кричали открыто: «долой Царя, «долой Самодержавніе», а теперь онъ даже и представить не можетъ, чтобы нашелся такой смѣльчакъ. Его быстро-бы усмирила даже безъ полиціи сама толпа. Такой поворотъ въ общественномъ мнѣніи есть плодъ работы борцовъ засамодержавіе, борцовъ-союзниковъ. Слава Волы-

ни, какъ давшай наиболѣе крѣпкій и сплоченный отдѣль союза, приславшай сюда тысячный отрядъ депутатовъ-союзниковъ на Царскій юбилей, на праздникъ всей Россіи. Привѣтъ вамъ, братцы!

Лъющаи рѣчкой, воодушевленная, полная пріятности для союзниковъ, рѣчь оратора прерывалась продолжительными и громкими аплодисментами и закончилась многоглѣтіями Государю Императору, Владыкѣ Антонію—высокочтимому и любимому петербургцамъ, и всѣмъ союзнымъ дѣятелямъ столицы и провинцій.

Въ концѣ собранія Владыка Антоній предложилъ послать Государю Императору телеграмму приблизительно такого содержанія: «Болѣе пятьсотъ Волынинъ союзниковъ, прибывшиѣ со провождать Почаевскую Чудотворную Икону, счастливи были нынѣ зрѣть свѣтлое лицо Твое, Государь, и Твоего Наслѣдника и повергаются предъ Твоимъ престоломъ свои вѣрноподданническія чувства».

По отъездѣ Владыки, выступали нѣсколько человѣкъ членовъ Думы—крестьянскихъ депутатовъ, доложившихъ собранію о своемъ безсплѣ, что-либо сдѣлать въ Думѣ для народа безъ союза, безъ объединенія, и пообѣщавшими въ непродолжительномъ времени хлопотать о внесеніи на разсмотрѣніе Думы законопроекта о сервитутахъ.

Въ частности—Бурмичъ говорилъ о необходимости подождать съ требованіями новыхъ законовъ о сервитутахъ, ссылаясь на то, что надо подготовить надлежащій для этого матеріаль, чѣмъ Дума и занята въ настоящее время. Самчукъ поддерживалъ Бурмича въ отзывѣ о работоспособности Думы и предлагаетъ, что она что-нибудь сдѣлаетъ для крестьянъ. И-къ же положительно наѣтъ утѣшилъ, въ немногихъ словахъ давъ мѣткую характеристику составу нынѣшней Думы. Въ серединѣ, по его словамъ, сидѣть паны, которые крѣпко стоять за себя, а не за мужика, на лѣвой—жулье, безъ гроша за душой, безъ Бога въ сердцѣ, они, какъ бѣсы начали бѣситься, когда поставили вопросъ въ Думѣ объ ассигнованіи средствъ на юбилейныя торжества Дома Романовыхъ, на правой тоже горе—Марковъ, Пуришкевичъ—медь на языкѣ, а сами какъ японы подъ русскимъ знаменемъ идутъ на крестьянство. Крестьяне наступили какъ-то на правыхъ и начали укорять ихъ, что о крестьянской нуждѣ они молчатъ, тѣстыда ради назначили собранія разъ въ недѣлю, разъ даже собирались, послушали какъ одинъ сановный депутатъ отзвался о мужикахъ какъ о хуллганахъ и совѣтовалъ научить ихъ дѣлать лопаты, и потомъ вожди эти сообразили, что мужиковъ лучше и выгоднѣе на народъ водить, чѣмъ нуждѣ ихъ помогать, съ тѣмъ разошлись и больше не собирались.

Хотя эими докладами официальная часть программы юбилейного засѣданія союзниковъ была закончена, но собраніе, восторженно настроенное рѣчами ораторовъ, не хотѣло расходиться, обстутило кругомъ каѳедру съ о. Ваталіемъ и долго еще съ нимъ дѣлилось впечатлѣніями дни и своими запросами.

На Невскомъ въ день Царскаго юбилея.

По выходѣ изъ Калашниковскаго зала, лишь ступиши на Полтавскую улицу, какъ потокъ толпы несеть тебя къ Невскому

Невский проспектъ.

проспекту. Въ другое время еще подумалъ бы — не избрать ли себѣ другой чутъ возвращенія, но тутъ и думать некогда — народъ идетъ и тебя несеть.

Пройдя Александро-Невскую лавру, я остановился взглянуть на Николаевскій вокзалъ и пріятно былъ удивленъ. Огромный орелъ съ распостетными крыльями изъ электрическихъ звѣздъ надъ входомъ въ зданіе горѣлъ и сиялъ переливами разноцвѣтныхъ огней. Надъ нимъ корона Царская и инициалы — вензеля Ихъ Императорскихъ Величествъ красовались какъ-бы изъ драгоценныхъ камней. Зрѣлище было восхитительное. Потомъ по Невскому, много встрѣчалось иллюминированныхъ зданій, кинематографовъ, художественныхъ — электротаstersъ и пр.,

нотакой величины и красоты орловъ вензелей больше нигдѣ не попадалось. Красивы были гирлянды лампочекъ, перекинутыхъ съ одной стороны улицы на другую; флаги на домахъ, цѣлые куски развернутой матеріи національныхъ цвѣтовъ спускаются сверху и украшаютъ середины улицъ.

На тротуарахъ и шоссе кипѣла и бурлила жизнь. Несколькое и непрерывное движение самокатовъ, каретъ, ландо, фаетоновъ, пролетокъ, вагоновъ трамвая, дилижансовъ—рябило въ глазахъ. На тротуарахъ безконечно вращающейся потокъ самой разношерстной публики-начиная съ цилиндра и ромбона до засаленного котелка мастерового и сбитой на бокъ перешитой шляпки уличной модницы. На каждомъ перекресткѣ продажа юбилейныхъ медалей, крестиковъ, флаговъ. Петербургская публика, у коей въ другое время до патротизма не дощупаешься, напрасхать покупаетъ сегодня даже напиросяныи бумажки съ неизнаваемымъ портретомъ Государя. Въ одномъ переулкѣ, въ 10 шагахъ отъ Невскаго, какое-то необычайное—тѣсное скопленіе людей, кого-то блють, слышны голоса. Оказывается какою-то жидъ спянина задумалъ похвастаться своей революціей и началь неодобрительно отзываться о Государѣ и порядкахъ Россіи. Услышали проходившіе и безъ всякаго уговора начали тузить такъ обрѣзанного, что онъ едва выскользнулъ и убѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ потасовки свой цыцесь.

Сильно утомившись; едва добрель до Митрофаніевскаго подворья. Хотѣль было, никого не беззокоя, пройти къ себѣ въ комнату по Владыка Антоній-хозянинъ дома какъ всегда, призвать къ себѣ, обласкалъ, предложилъ чаю и ужинъ, и тогда только уже отпустиль. Поднялся къ себѣ, стараюсь заснуть, но не могу: въ головѣ стоять шумъ отъ Невскаго, Ѣздить колеса, представляется иллюминація, шелестятъ флаги, и все мерещится, какъ блють черномазаго жиленка, мечтавшаго о революціи и жидѣ—президентѣ.

По святынямъ Петербурга.

Третій день пребыванія Волынскихъ союзниковъ въ столице 22 февраля—было рѣшено посвятить обозрѣнію Петербурга, наиглавицѣ—его богатыхъ храмовъ. Едва усиѣли за ночь освѣжиться отъ вчерашнихъ, впечатлѣній какъ на Кіевскую улицу въ домъ Парфенова прїѣхалъ о. Виталій. Обошелъ онъ верхній этажъ и нижній, гдѣ помѣщалось 500 человѣкъ союзниковъ, помѣщеніе оправдало надежды, сухо и тепло какъ сейчасъ же скомандовалъ союзникамъ выходить на улицу и строиться въ ряды. Улица Кіевская тихая, противъ дома Парфенова заборъ, а

за нимъ виденъ Новодѣвичій монастырь. Удобнѣе не найти во всемъ Питерѣ, чтобы союзникамъ привести себя на военную ногу.

Самъ Архимандритъ вошелъ къ священникамъ, коимъ было отведено нѣсколько комнатъ, и обсowitzовался съ ними, чтобы союзникамъ идти военнымъ строемъ сначала въ Исаакіевскій соборъ, оттуда въ Казанскій, затѣмъ въ Храмъ Воскресенія на Брови, въ Петропавловскій соборъ, въ Іоанновскій монастырь, а затѣмъ въ Народномъ Домѣ Николая II—обѣдать и тамъ уже привести зечерь, слушая театральное представление «Жизнь за Царя.»

Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ.

Около 8 часовъ утра союзники командами по уѣздамъ подъ общимъ руководствомъ ревнителя Зубчинскаго отправились въ путешествіе по столицѣ. Гдѣ они ни проходили, вездѣ обращали на себя вниманіе, и чѣмъ лучше и центральнѣе была улица, тѣмъ больше было это вниманіе. Передъ Исаакіевскимъ соборомъ вагонъ трамвая остановился и вся публики сошла съ него посмотреть—какие Волынскіе союзники пришли съ Почаевской иконой Божіей Матери.

Въ Исаакиевскомъ соборѣ.

Исаакиевскій соборъ — самый главный въ Петербургѣ. Онъ весь выстроенъ изъ гранита и мрамора, а иконы сложены изъ маленькихъ разноцвѣтныхъ камней (мозаика). Это такая большая церковь, что въ нее помѣщается до 20 тыс. народа.

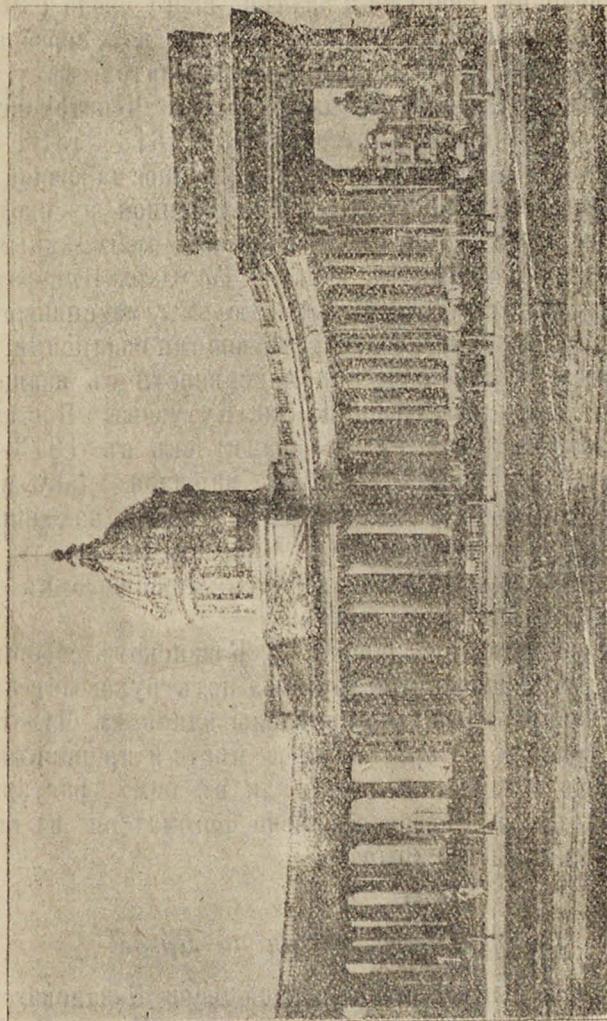
Посвященъ соборъ имени св. Исаакія Далматскаго, память котораго чествуется 30 мая, въ день рожденія Петра Великаго. При Петрѣ около этого мѣста было двѣ маленькия церкви одна за другой, но обѣ сгорѣли, а существующій соборъ заложила Императрица Екатерина II, законченъ былъ онъ въ нынѣшнемъ видѣ въ 1858 году т.-е. при Царѣ Освободителѣ.

Построить его было очень трудно, мѣсто очень тонкое. Подъ все зданіе положена фундаментомъ сплошная масса гранита, опирающаяся на болѣе чѣмъ 10 тыс. сосновыхъ трехсаженныхъ свай, забитыхъ въ грунтъ. Но чего не преодолѣть человѣческий разумъ и воля. Соборъ красуется теперь надиво россіянъ и иностранцевъ вышиной въ 57 сажень. Поражаетъ громадными колоннами гранитными (снаружи), мраморными, малахитными, даже изъ драгоценного липиса — лазури, необычайной роскошью внутренней отдѣлки и богатствомъ утвари. Въ большомъ колоколѣ, отлитомъ изъ старыхъ мѣдныхъ монетъ, всего 1800 пудовъ, изъ нихъ 20 фунтовъ чистого золота и 5 пуд. серебра. Крестъ тоже на немъ золоченъ чрезъ огонь. А всего стоитъ соборъ 23 милли. рублей. Въ настоящее время въ немъ происходитъ постановка мозаичныхъ иконъ, по стѣнамъ около купола, стоять около мѣста архиерейской каѳедры лѣса желѣзные, кои можно разобрать и опять поставить. Помолились союзники св. Исаакію Далматскому, положили предъ Тихвинской и Скорбященской иконами Богоматери поклоны за Царя Петра и Екатерину, подивились на мраморный иконостасъ, на иконы изъ разноцвѣтныхъ камешковъ, посмотрѣли на отлитыя на массивныхъ дверяхъ сцены изъ русской жизни церковной, больше всего понравилось перенесеніе Петромъ Великимъ св. мощей князя Александра Невскаго въ лавру, видѣли вѣнецъ терновый, освященный на Гробѣ Господнемъ патріархомъ Іерусалимскимъ, и отправились далѣе.

Въ Казанскомъ соборѣ.

По выходѣ изъ Исаакиевскаго собора произошло небольшое недоразумѣніе среди союзниковъ: кто желая исполнить програм-

му звать въ Казанскій соборъ, а нашлись такие, которые говорили, что въ Казанскомъ соборѣ мы были вчера и ушли прямо въ храмъ Воскресенія. Въ Казанскій соборѣ очень стоило зайти. Теперь тутъ было просторно, все великолѣпіе церковное самого оригинального храма на Руси со вниманіемъ можно было

Правая колоннада Казанскаго собора, гдѣ стоялъ Волынин.

осмотрѣть и почувствовать себя именно здѣсь русскимъ человѣкомъ, маленькой хоть частицей, но частицей той силы и крѣпости, которая называется Россійской Державой.

Главная святыня въ соборѣ Казанская икона Божіей Матери. Эта икона въ Петербургѣ издавна, уже въ 1705 году была Казанская часовня съ этой иконой, а церковь здѣсь

впервые на Невскомъ была построена въ 1733 году на казенныя средства, каменная, отдана въ придворное вѣдомство и въ ней совершались въ 18 столѣтіи всѣ церковныя торжества. Въ настоящемъ видѣ соборъ существуетъ съ 1813 года, построенъ мысли императора Павла Петровича. Особенностью его служать колонны снаружи и внутри, всего около 130 колонъ.

Иконостасъ и Царскія врата сдѣланы изъ серебра, дара Донского казачества, отбитаго атаманомъ Платовымъ у французовъ. Въ этомъ же соборѣ находится образъ Ченстоховской Божіей Матери, присланный Кутузовымъ въ 1613 году, а также Голгоѳа—Распятіе Господа Іисуса, сооруженное на южной сторонѣ храма въ память чуда милости Божіей, явленной русскому народу 17 октября 1888 года. Около Голгоѳы—драгоценныя хоругви, только что присланныя къ юбилею Государю Императору отъ заключенныхъ Иркутской пересыльной тюрьмы, массивныя, чудной художественной работы съ соответствующими надписями, работы ювелира Барсова. Рѣдкое сочетаніе массивности съ изяществомъ.

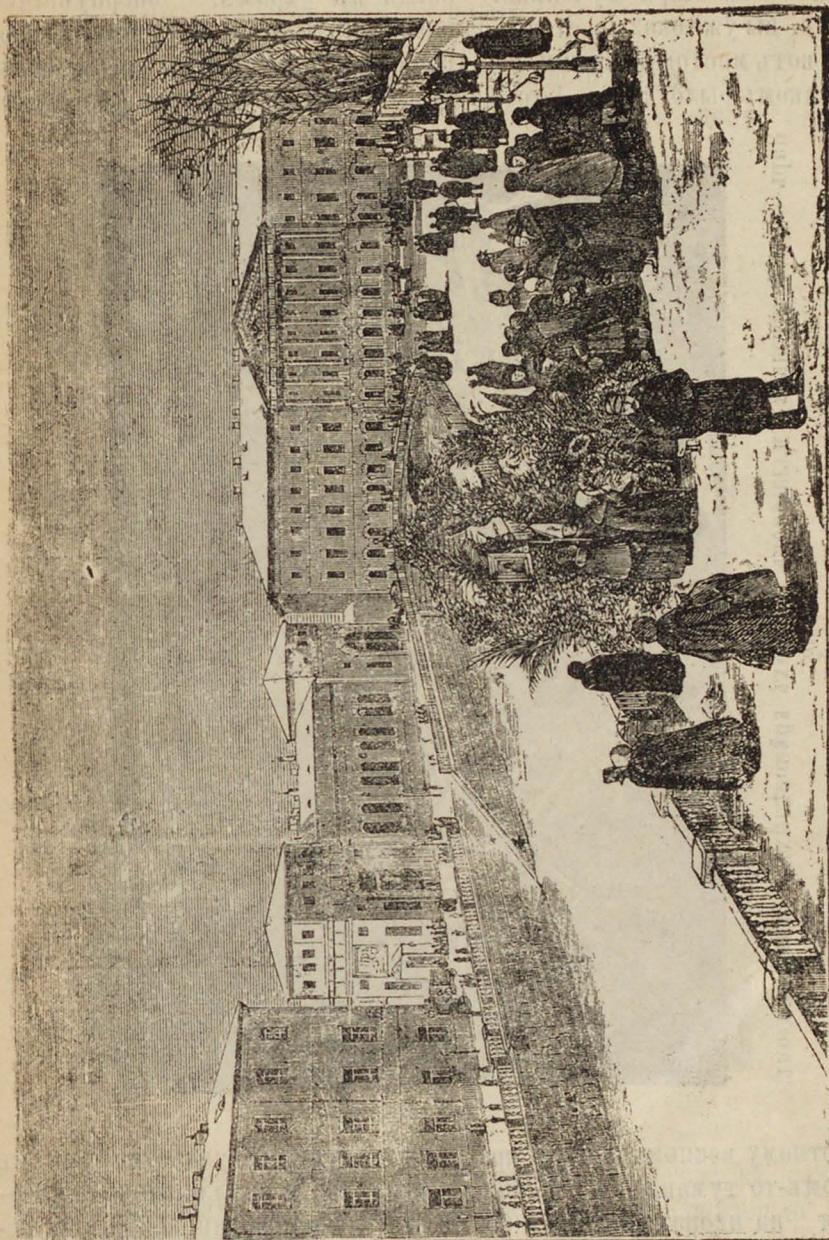
Здѣсь-же находится гробница кн. Кутузова. Прежде здѣсь же были и знамена, отбитыя у французовъ въ 1813—14 году, ключи отъ 8 крѣпостей, жезль маршала Даву и пр. Теперь они перенесены въ музей 1812 года, находящійся въ Москвѣ. Не видно и посланія Св. Синода, по поводу мученической кончины импер. Александра II, висѣвшаго въ золотой рамѣ недалеко отъ царскаго мѣста.

Во время пребыванія нашего въ Казанскомъ соборѣ входили одна за другой школьнія группы, подъ руководствомъ учительницъ и воспитательницъ, прикладывались къ Чудотворному образу, осматривали соборъ, царское мѣсто и проповѣдническую каѳедру. Многіе богомольцы подходили къ намъ, разузнавая, не здѣсь-ли находится Почаевска икона Богоматери и где помѣщается Митрофаньевское подворье.

Въ храмъ Воскресенія на Крови.

Какъ только выйдете изъ сѣверной двери Казанскаго Собора, вамъ черезъ Невскій проспектъ уже виденъ Храмъ Воскресенія. Переидя шумный проспектъ, на односторонкѣ Екатирининскаго канала можно немножко пойти тише, ибо здѣсь не такое уже большое движение. Издали храмъ Воскресенія, какъ красавая и дорогая игрушка. Стройно поднимаются въ высѣ 9 главокъ, какъ бы разрисованныхъ и перевитыхъ, точно на храмѣ Василія Блаженнаго въ Москвѣ. Пять изъ нихъ украшены разноцвѣтною

эмалью, а 4 горять золотомъ подъ лучами солнца. Входъ въ храмъ не прямо съ западной стороны. Западная часть какъ

Мѣсто убіенія Императора Александра II до построенія храма,

разъ огорожена, отдалена отъ прохода стеклянной перегородкой. Входя въ храмъ прежде всего вы видите какъ-бы отдаленную священную часовню. Это ограждено мѣсто смертнаго пора-

иенія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II. И если вы русскій, невольно склоняется ваша голова и уста шепчутъ молитву за Царя мученика. Войди въ храмъ, обернувшись вбокъ, вы уже оказываетесь вблизи самого мѣста, обагренного кровью вотъ мостовой, камни, все, говорятъ, сохранено въ томъ видѣ, въ какомъ было тогда 1-го марта. Вся красота храма благодаря

Царь—освободитель 22 миллионою русскихъ крѣпостныхъ, убитый лицомъ, въ гробу.

грустному воспоминанію о кровавомъ злодѣяніи является уже вѣкакомъ-то туманъ—и роскошная мозаика, и бриллиантовая украшенія на иконахъ, и какъ-бы витые, вышлифованные камни коленъ царскихъ вратъ и кіотовъ иконъ. Воображеніе упрямое осотановилось на томъ, какъ вторая бомба жида Гриневицкаго подкосила смертельно Государя, а сторожъ старается съ боль-

шимъ усердіемъ втолковать, что вотъ совсѣмъ недавно закончилась работа по установкѣ новой ограды съни, сооруженной надъ мѣстомъ злодѣянія. Ограда исполнена изъ уральского камня орлеца розового цвѣта. Шлифовка производилась на Екатеринбургской гранильной фабрикѣ. Стоила ограда около 800 тыс. рублей. Все это было очень утѣшительно, какъ ясное свидѣ-

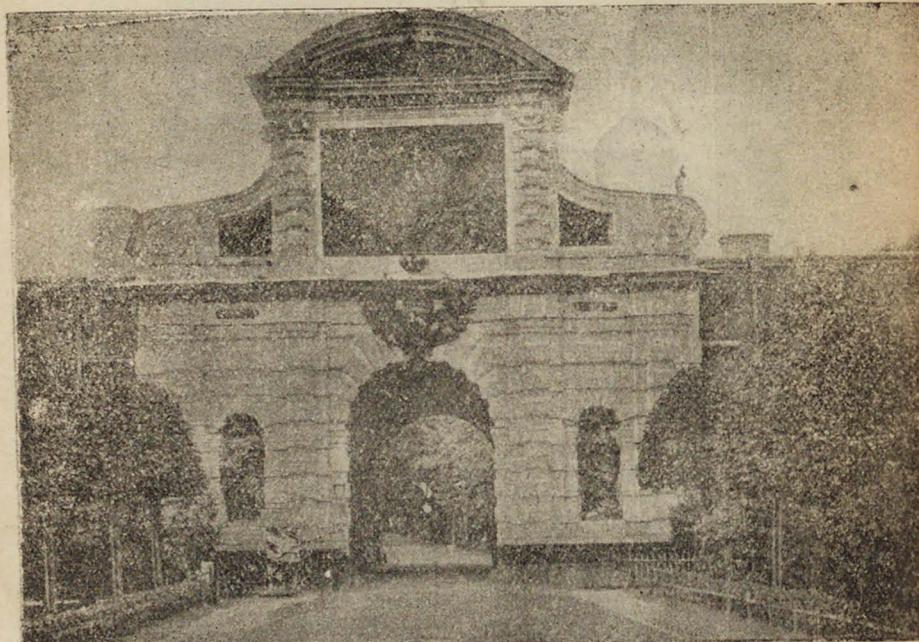

Храмъ Во крессенія на Крови.

тельство Промысла Божія, обращающаго даже зло къ славѣ Избранныхъ своихъ, но высшее, однако, утѣшеніе снизошло въ сердце во время общей молитвы объ упокоеніи Царя-Освободителя и пробудило во всѣхъ сознаніе необходимости борьбы не на жизнь, а на смерть съ прохлятой революціей, такъ настойчиво стремящейся разрушить русское царство.

Её Петрапавловскому собору.

Изъ храма Воскресенія союзники перешли рѣку Неву и прошли черезъ Петровскія ворота въ Петропавловскій соборъ. Тамъ похоронены всѣ цари и царицы, начиная отъ Петра Великаго и до Александра III. Какъ взойдешь въ соборъ, то направо и налево рядами возвышаются царскія гробницы изъ мрамора на подобіе вотъ какъ въ церквяхъ илашаницы. А по

Петровскія ворота.

стѣнамъ вѣздѣ висятъ серебряные вѣнки съ лентами. Вокругъ гробницъ цветочки растутъ и тешатся лампады. Волынские батюшки облачились и отправили панихиду надъ могилками Государей Александра II и Александра III, а весь Волынский народъ пѣлъ.

Въ этомъ именно храмѣ наканунѣ юбилейного дня Государь нашъ Николай II молился о своихъ предкахъ, при чемъ въ числѣ молящихся былъ и антioхийский патрархъ.

При выходѣ посмотрѣли на Петропавловскую крѣпость, куда обыкновенно сажаютъ самыхъ важныхъ государственныхъ пре-

стуниковъ. Говорить, что въ числѣ помѣщений для заключенныхъ, есть и очень удобно обставлена, какъ напр. тѣ

Петроіавловскій соборъ.

комнаты, въ коихъ отсиживаль наказаніе генералъ Стессель за сдачу Портъ-Артура.

Изъ собора вернулись опять къ мосту и поцали на пепелище и остаты отъ недавнаго пожара. Сгорѣлъ со-

борь св. Тройцы, построенный царем Петром I, самый старейший въ Петербургѣ, справлявший 200-лѣтній юбилей лѣть десять тому назадъ. Это, можно сказать, была святыня русская, которую не умѣли сохранить, и по причинѣ намѣренной или ненамѣренной неосторожности дали, сгорѣть. Крестъ упалъ, куполь церкви выгорѣлъ и разобранъ. Колокола, по слухамъ, уцѣляли какимъ то чудомъ. Всѣ цѣности и реликвіи спасены. Но жутко становится русскому человѣку, когда онъ видѣть, какъ древнѣйшія русскія святыни горятъ и разрушаются, а языческіе кумирни и татарскія мечети выростаютъ и гордо высятся на главныхъ улицахъ столицы.

Около Троицкаго собора сохранилась еще маленькая рубленая изъ дерева и покрытая тесомъ избушка, въ которой жилъ царь Петръ I-й, когда основывалъ Петербургъ. Чтобы домикъ этотъ не разсыпался, надъ нимъ построена другой домъ съ желѣзной крышей. Та избушка такъ и называется домикъ Петра Великаго. Въ одной половинѣ ея хранится мебель и одежда Петра Великаго, а въ другой устроена часовня. Въ ней помѣщается чтимая всѣми Петербуржцами икона Спасителя.

Отъ домаика Петра Великаго союзники двинулись на край города, на Карповку, гдѣ находится Иоанновскій монастырь, въ которомъ похороненъ о. Иоаннъ Кронштадтскій.

Въ Иоанновскомъ монастырѣ.

Тише и уютнѣе мѣста, кажется, не найти во всемъ Петербургѣ, чѣмъ тотъ уголокъ Карповки, гдѣ пріотился Иоанновскій монастырь. Какъ будто бы здѣсь не то край города, а конецъ всего, идти дальше некуда, туникъ. Здѣсь тишина и покой. А всего только въ нѣсколькихъ саженяхъ, черезъ рѣчку, течетъ шумная жизнь Каменно-островскаго проспекта.

Въ одномъ зданіи, невыдающемся изъ линіи другихъ зданій, все было прежде и храмы, и келіи монашескі. Теперь разрастается монастырь, мѣсто владѣнія округляется и выростаютъ корпуса.

Какъ только войдете въ это большое красное зданіе, увѣнчанное церковными главами, съ кровлями, раздѣленными шашечницей, прежде всего поражаетесь безукоризненной чистотой, на всѣхъ мелочахъ лежитъ отпечатокъ заботливости женской руки трудницы.

Въ главномъ верхнемъ храмѣ союзники вѣмъ міромъ собравшиись со своими священниками отпѣли панихиду. Монахиини

О. Іоаннъ Кронштадтскій.

услужливо подали одно облаченіе, за нимъ еще пару, а тамъ еще, а когда мы спросили отпустить 500 свѣчъ для заупокойной молитвы за Батюшку Иоанна, доложили матушкѣ игуменіи Ангелинѣ и заботы, услужливость, вниманіе безъ того отмѣнныя еще усилились. Сама матушка пришла на панихиду.

Свѣчи раздали бесплатно. Монахини очень угѣщались, видя съ какимъ усердіемъ молятся крестьяне за упокой батюшки. Крестьяне имъ сказали, что на Волыни не только мужики, но и бабы деревенскія помнятъ про Кронштадтскаго батюшку, какъ онъ пріѣзжалъ въ Почаевъ, какой онъ былъ милосердный и какъ молитвами своими многимъ помогалъ страждущимъ. Между Волынцами нашелся одинъ о. діаконъ и одинъ крестьянинъ, которые и олучили облегченіе отъ тяжкихъ недуговъ.

Хорошо молиться въ верхней церкви, но еще лучше въ усыпальницѣ. Здѣсь покоятся прахъ самого Батюшки Іоанна. Вотъ его гробница мраморная, въ серединѣ кѣнотѣ, цветы, зелень, нальво алтарь съ Престоломъ Божіимъ, передъ коимъ онъ умѣль при жизни такъ иламенно и благодатно молиться, а изъ за гробницы, изъ полуумрака раздается тихое, стройное, мелодичное заупокойное пѣніе женскихъ звучныхъ голосовъ. И странное такое настроеніе охватываетъ. Хочется не о немъ молиться, а хочется молиться ему, чтобы онъ помогалъ о насть, живыхъ, нашихъ родныхъ и знакомыхъ умершихъ, чтобы онъ услышалъ тамъ, въ селеніи праведныхъ, земной вздохъ и слезу умиленія упавшую здѣсь, въ созданномъ имъ храмѣ.

Поклонились праху о. Іоанна, облобызали крестъ и евангелие, лежаще на гробницѣ и отдали себя во власть монахинь. Они водили и показывали покой, въ которыхъ передъ кончиною жилъ батюшка. Вотъ перо его, чернильница, книжка, не осталось, кажется, ни одного уголка неосмотрѣннымъ. Гдѣ бы и постѣснился отворить дверь, услужливая рука уже отворяетъ и предупредительный голосъ приглашаетъ пожаловать.

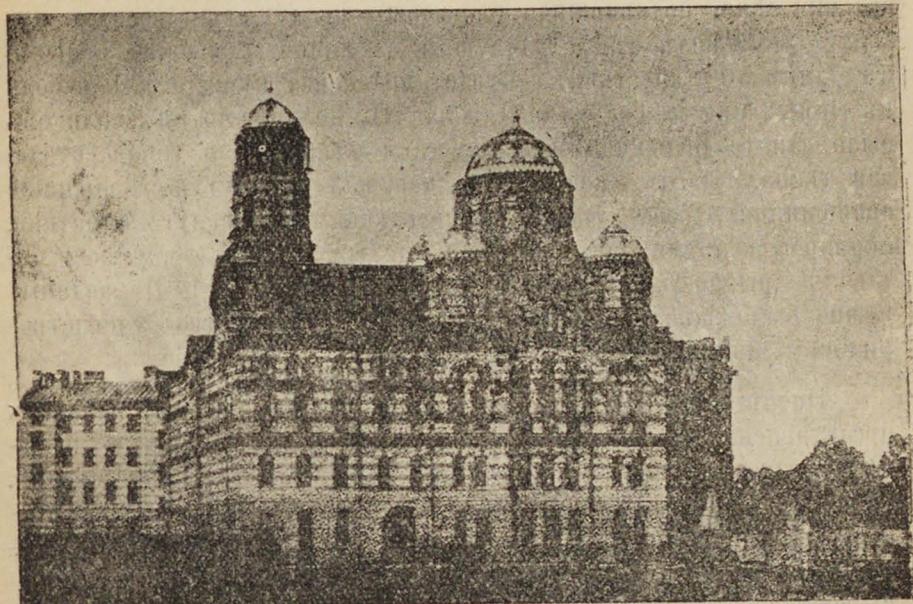
Послѣ обозрѣнія монастыря, духовенство было приглашено въ покой матушки Ангелины, богато одаренной отъ природы живымъ умомъ и твердой волей, благовоспитанной, и что最重要ъ, съ отзывчивымъ сердцемъ на скорбь ближнихъ. За предложеній трапезой она рассказывала свои личныя впечатлѣнія о великому пастырю Кронштадтскому, о трудахъ, сопряженныхъ съ основаніемъ монастыря, о высокихъ цѣнахъ въ Петербургѣ на мѣста для постройки и проч.

— «Вѣдь на пустомъ огородѣ начали постройку. Земли только и было, что подъ храмомъ. Тутъ все: и кельи, и погреба. Потомъ прикупили 2 десятины за 200 тысячъ», говорила матушка.

— За 200 тысячъ 2 десятины? такъ всѣ иахнули.

—Чего же удивляться! Вотъ вблизи Каменоостровскаго сей-
часъ пытаются купить мѣсто по 350 руб. квад. сажень, да ни
какъ не могутъ устроить сдѣлки.

Проводила насъ матушка наилучшими пожеланіями, а
союзники всѣ получили здѣсь книжечки о жизни о. Іоанна и
его наставленихъ.

Іоаниновскій монастырь въ С.-Петербургѣ.

Въ Народномъ Домѣ Императора Николая II.

Около Іоаниновскаго монастыря, какъ всегда около монастырей,
ютятся лавочки, торгующія изображеніями о. Іоанна, брошюрами,
книжечками, картинами, цѣпочками, молитвенниками, кружками. На
многихъ предметахъ портретъ (насколько схожій другой вопросъ) по-
читаемаго Батюшки. По Камено-островскому проспекту стройными
командами прошли союзники въ Народный Домъ. Теперь уже
перестали говорить и удивляться, какіе дома строятся въ Пе-
тербургѣ. А изо всѣхъ домовъ, доселъ видѣнныхъ и посѣщенныхъ,
это былъ самый большой, въ истинномъ смыслѣ народный, ви-
дно, было, что во всемъ при устройствѣ его имѣется въ ви-
ду народъ, масса. Войдете ли въ старый театральный залъ или
въ новую аудиторію имени принца Александра Петровича Оль-

денбургскаго одинаково поражаетесь широтой размаха. Можете судить сами хоть бы потому, что на праздничных спектаклях собираются здѣсь до 5000 зрителей.

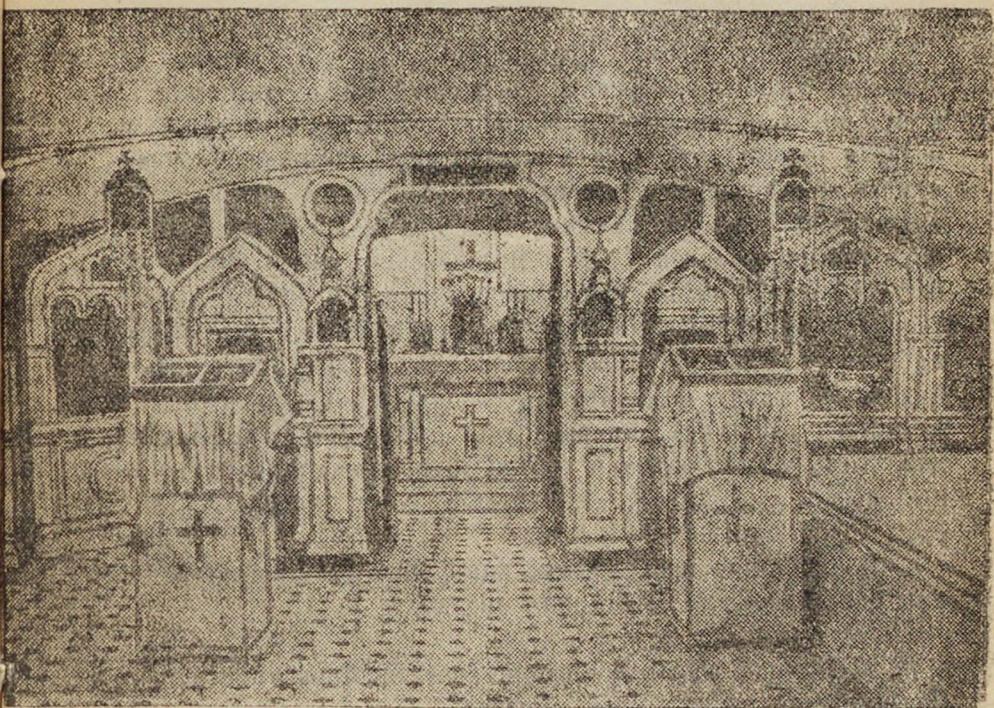
Снаружи на фронтонѣ Народнаго Дома огромный орель, съ распиростертыми крыльями, подобный тому, что былъ на зданіи Николаевскаго вокзала, и множество флаговъ. Пройдя большій сѣни, подивившись на хоры, послушавши военную музыку, я вошелъ въ столовую и изумился. Вся наша Волынь, въ лицѣ 500 крестьянъ—представителей, кушала хлѣбъ-соль въ Домѣ своего Государя-Николая II. Больше сотни столиковъ было занято Волыннами и все таки оказалась и такая столовая тѣсна, часть союзниковъ перешла въ другую. Волынскіе священники тоже кушали съ крестьянами. Прислуга опрятная, сервировка приличная, скатерти чистыя, кушанье вкусное: подавали рыбное (холодецъ), и молочное (лапшу). По желанію можно было заказать, что угодно, но большинство удовлетворилось предложенными.

Послѣ панскаго обѣда, около 7 часовъ вечера, началось представление: шла опера «жизнь за Царя». «Опера» называется такое произведение, гдѣ вместо того, чтобы говорить, поютъ. Содержаніе ея—какъ крестьянинъ Сусанинъ спасъ царя Михаила. Дѣйствующія лица: Сусанинъ, его зять Сабининъ, Антонида, Вача и др. Страшно становится когда поляки набрасываются на Сусанина и начинаютъ его рубить саблями, зато весело заканчивается представление пѣніемъ «Славься, славься, нашъ русскій Царь», трехзвономъ колоколовъ кремлевскихъ соборовъ, криками «ура». Такъ и хочется самому пѣть, плясать и веселиться, что крестьянинъ спасъ для Русскаго царства Царя Михаила Феодоровича, отъ котораго ведеть свой родъ Царствующій Государь.

Позднѣе 12 часовъ закончилось представление. День прошелъ необычно, разнообразно, впечатлѣній получено богато, и также интересно ему суждено было закончиться. Мало мы видѣли жизнь уличную Петербурга ночью, теперь вполнѣ ея видомъ насладились, когдашли отъ Народнаго Дома къ себѣ на ночлегъ въ Кіевскую улицу. Продолжаютъ катиться и трамваи, но уже рѣже, за то какъ будто больше еще, чѣмъ днемъ, явилось самокатовъ и извозчиковъ. По мѣстамъ догорала блестящая плюминиація. Везде свѣтло, какъ днемъ. Несмотря на глубокую ночь, когда сотни тысяч деревень лежать подъ глубокимъ мракомъ, Петербургъ жилъ и веселился. Откуда вся эта роскошь, богат-

ство, безпечность? И какое отношение все это имѣть къ глухой деревнѣ? Скорѣли поймѣть это нашъ богатырь духомъ, смѣливый русскій крестьянинъ?

На утро 23 числа помолившись въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, всего въ нѣсколькоихъ саженяхъ отъ квартиры, снялись на фотографическую карточку и собравши свои знамена, кое-

Усыпальница въ Іоанновскомъ монастырѣ.

кто и покуники-гостицы, къ полудню были уже на Варшавскомъ вокзалѣ, гдѣ дѣлопроизводитель союзной канцелярии о. Владимиръ Галичъ выхлопоталъ намъ особый специальный поѣздъ, на которомъ мы и приѣхали обратно.

Вместо заключенія.

Вотъ ужъ прошло нѣсколько недѣль посль нашей поѣздки, а память о ней никакъ не можетъ изгладиться изъ головы. Пройдутъ мѣсяцы, годы, а все же эти дни Царскаго юбилея въ столицѣ будутъ свѣтлымъ воспоминаніемъ въ будничной обычной сѣрой жизни союзника.

Изъ сознанія силы Русскаго царства, парадь который ви-
дѣли въ эти дни, изъ близости Царя къ народу, цѣлующагося
съ простымъ крестьяниномъ—волостнымъ старшиной, какъ изъ
источниковъ воды живой почерпнули и въ будущемъ будемъ
иочерпать силу и твердость въ отстаиваніи коренныхъ началь,
исторически завѣщанныхъ святынь русскаго народа-православ-
ной вѣры и самодержавія.

Были тамъ кромѣ Волынскихъ и другіе союзники—Петр-
бургскіе, Рязанскіе, Одесскіе; хотя они и были соединены въ одну
кучу, но это была такая разношерстная, разно калиброванная масса,
которая ничего надежнаго изъ себя не представляла, рядомъ съ
чуйкой хорьковое пальто, какіе то разночинцы и личности, прямо
внушающее недовѣріе. Командовали этимъ сбродомъ въ треугол-
кахъ дворяне Марковъ 2-й и Пуришкевичъ. Нечего распространяться о томъ законѣ, что своя рубашка ближе къ тѣлу и что
дворянскими интересами эти господа, призывающіе крестьянъ
къ союзу, никогда не поступятся въ пользу крестьянскихъ. Конечно и между ними были десятокъ-другой искреннихъ bla-
желателей крестьянъ, въ родѣ того одесскаго союзника, который
ѣхалъ съ нами обратно и говорилъ, не вѣрю я въ этотъ сброд-
ный союзъ.

Послѣ стало известнымъ, какъ Марковъ прощался со своимъ
и сподвижниками у Зимняго дворца.

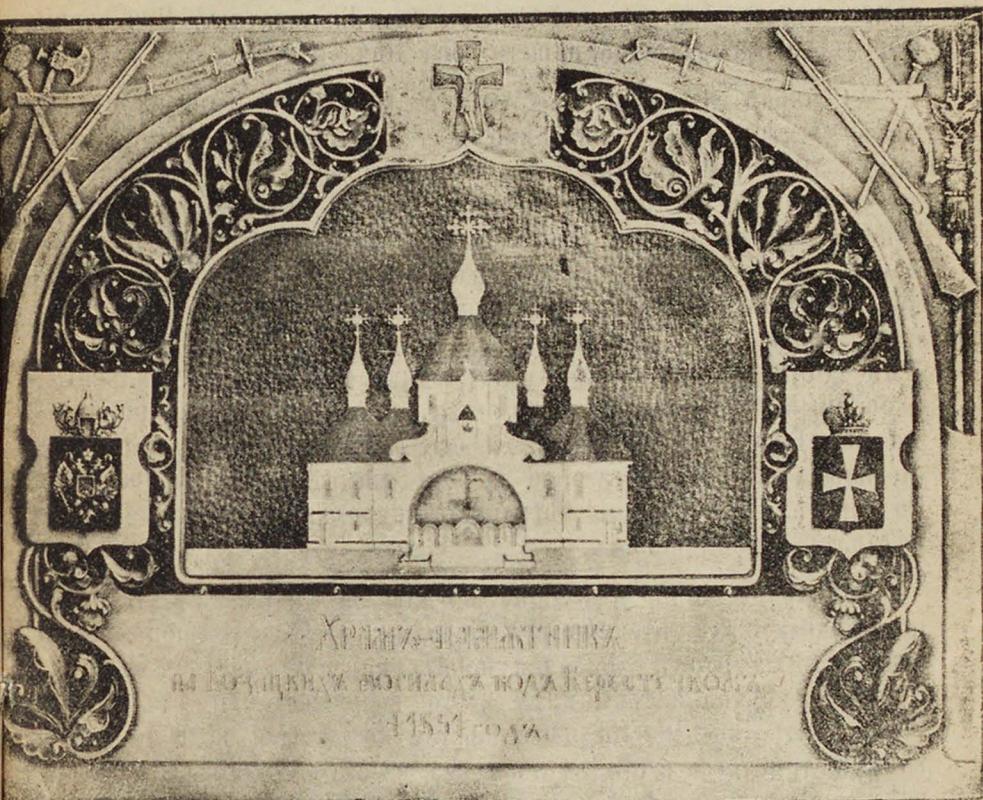
«У Зимней канавки шедшій впереди Марковъ остановился.
По его знаку клики «ура» смолкли.

«Теперь намъ надо разстаться другъ съ другомъ,—обратился онъ къ членамъ съѣзда. Досвиданья русскіе люди, будьте здоровы,
будьте дружны, какъ дружны были мы здѣсь всѣ за эти свѣт-
лые дни. И когда пріѣдете домой, расскажите своимъ про нашъ
праздникъ... А теперь по дѣмамъ».

Потомъ сѣль въ экипажъ и съ самодовольной улыбкой
поѣхалъ устраивать другія дѣла. Союзники разѣхались.

Совсѣмъ не то представлялъ изъ себя Волынскій
союзъ. Это однородная, плотная крестьянская масса, слитая,
какъ песокъ въ камень. При надлежащемъ руководствѣ ее ия-
что не можетъ разсыпать. Волынскій союзъ это вѣдь-тѣ рев-

нители и союзники, которые десятки разъ собираются въ продолженіе года около Почаевскихъ святынь, получаютъ благодатное утѣшеніе отъ службы благолѣпной и проповѣди слова Божія о жизни христіанской, истинной. Всѣ они, эти союзники, бывшия на Царскомъ юбилѣѣ онятъ соберутся и не въ такомъ количествѣ, какъ въ Петербургъ, а въ гораздо большемъ, собе-

Альбомъ съ видами Козацкихъ Могилъ, поднесенный Почаевской депутацией Его Императорскому Величеству 30 марта въ Царскомъ Селѣ.

рутся съ церковными хоругвями, со стягами, соберутся на Козацкихъ Могилахъ въ 9 пятницу 14 июня, чтобы изъ доблестного примѣра предковъ поучится дружно жить, и дружно умирать, вѣры своей не продавать, за Царя Бѣлаго Русского Самодержавнаго крѣпко стоять, а жидамъ и шабесгоямъ не поддаваться!

Собирайтесь, Волынине, на лѣдовскія могилы, пусть наше содружество и братство все крѣпнетъ и крѣпнетъ, пусть недру-

ги Царя Русского и Русского народа знать, что здесь на Волыни союз не бумажный, не фальшивый, не искусственный, а самый настоящий, крестьянский, завещанный историей, который суметь постоять за себя и за свои права, лишь бы жить да здравствовалъ Государь Царь Батюшка съ ясной Надеждой крестьянства—дорогимъ Наслѣдникомъ, да не покидала насъ милость Божія по молитвамъ Заступницы рода христіанского, благодѣющей черезъ свой Благодатный Почаевской Образъ, и препод. отца нашего Іова Почаевскаго.

Собирайтесь, Волынине! Это и Государю Императору будеть приятно. Онъ Самъ давно интересуется Козацкими Могилами. 30 марта въ Царскомъ Селѣ принималъ нашу Почаевскую депутацію. Въ составъ депутатіи входили мѣстные помѣщики графъ-де Бессалини и графъ Граббе, архимандрии Почаевской лавры о. Виталій и крестьянинъ Волынскій—членъ правленія Почаево-Волынскаго Кредита Авксеній Дрегалюкъ. Депутація благодарила Государя Императора за Высочайшее пожертвованіе Имъ 10000 рублей на храмъ-памятникъ, поднесла Ему альбомъ, окованный серебромъ съ видами Козацкихъ Могилъ и эпизодами изъ Берестечской битвы, и все рассказала про Казацкія Могилы. А если Государю дорога память нашихъ предковъ, то дорогъ, значитъ, и Волынскій народъ, котораго онъ не оставить безпомощнымъ.

Собирайтесь на Козацкія Могилы не только съ Волыни, но приходите съ Кіевшины и Подолії, приходите вспомянуть какъ всѣмъ гуртомъ отбивался народъ нашъ отъ враговъ нашихъ, помогите увѣковѣчить память этого содружества и отъ могиль этихъ взять силу жизни и борьбы съ недругами, подобно тому, какъ и Христосъ восталъ отъ гроба, смертию смерть поправъ и всѣмъ животъ даровалъ.

Іером. АЛЕНСІЙ.

Въ Почаево-Лаврскомъ складѣ изданій осталось нераспро-
даннымъ небольшое количество слѣдующихъ брошюръ Еро-
мина Алексія (Сокольского):

**Крѣпостное право и отмѣна его Царемъ-Освободи-
телемъ Александромъ II.** Ц. 20 коп.

Передъ постригомъ. (*Изъ дневника монаха*). Ц. 5 к.

Промыслъ Божій въ судьбахъ Россіи. (*Очерки изъ
Отечественной войны*). Цѣна 25 коп.

**Царственная Паломница на горѣ Почаевской 18—20
августа 1912 года.** (*По случаю посещенія Почаева В. К.
Елизаветой Феодоровной*). Ц. 10 коп.

**Поѣздка Волынскихъ союзниковъ на Царскій юбилей
въ С.-Петербургъ.** Ц. 10 коп.

Того же автора юбилейные листки:

Романовскіе юбилейные дни.

Россія и Самодержавіе.

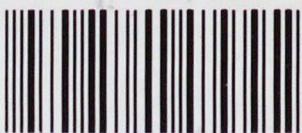
Самодержавная власть.

Слава Дому Романовыхъ!

Цѣна листкамъ въ 4 стр. сотня—70 коп., тысяча
2 руб. 50 коп. съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться по адресу:
Почаевъ на Волыни, въ редакцію Почаев-
скаго Листка.

2007062648